

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1915.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ЧЕТЫРЬМА РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).



ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лив., № 12.

1916.

Въ поискахъ развалинъ Бишбалыка¹⁾.

Въ началѣ осени 1908 года, по совѣту и указаніямъ В. Л. Котвича, изъ Урумчи была совершена маленькая экскурсія въ окрестности г. Джимисара²⁾ съ цѣлью розыска древнихъ городищъ и монастырей и, въ частности, — развалинъ сѣверной уйгурской столицы, г. Бишбалыка.

На основаніи свѣдѣній объ этомъ городѣ, почерпнутыхъ изъ китайскихъ и другихъ источниковъ, онъ долженъ былъ находиться у сѣверной подошвы восточнаго Тянь-шаня въ районѣ между городами Джимисаромъ и Ци-тай. Въ подробномъ письмѣ г. Котвича, кромѣ главныхъ цѣлей поѣздки, былъ намѣченъ и маршрутъ ея. Рекомендовалось изъ Урумчи отправиться южной дорогой въ г. Турфанъ, оттуда свернуть на сѣверъ, перелезть черезъ Тянь-шань и выйти къ Джимисару, — однимъ словомъ, сдѣлать попытку повторить путь, пройденный въ концѣ X вѣка китайскимъ посломъ Вавъ-янь-дэ.

Въ числѣ инструкцій мы, участники намѣченной экскурсіи, располагали также маленькимъ указаніемъ, полученнымъ отъ г. Грумъ-Гржимайло. Послѣдній сообщалъ, что на намѣченномъ пути долженъ встрѣтиться при перевалѣ небольшой ледникъ, вслѣдствіе чего надо торопиться пройти горы до конца августа. Первоначально это обстоятельство показалось намъ

1) Предварительныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи» (№ 9, апрѣль 1909). Опубликованіе подробнаго отчета задержалось вслѣдствіе кончины Б. В. Долбежева, послѣдовавшей въ Урумчи лѣтомъ 1910 г.; выиѣ онъ печатается здѣсь по рукописи, присланной Долбежевымъ въ 1909 В. Л. Котвичу, съ нѣкоторыми сокращеніями. Статья проредактирована В. Л. Котвичемъ.

2) Такъ звучитъ названіе этого города въ рѣчи урумчійскихъ китайцевъ, таранчей и русскихъ сартовъ; въ бумагахъ китайцы пишутъ 濟木薩 «Дзи-му-са»; это транскрипція слова Джимисаръ; оффиціальное китайское названіе города и его уѣзда 孚遠 «Фу-юань»; раньше онъ назывался 保惠 «Бао-хуй».

серьезным препятствіемъ для поѣздки, такъ какъ мы не могли выбраться изъ Урумчи ранѣе послѣднихъ чиселъ названнаго мѣсяца; впрочемъ, скоро выяснилось, что на дѣлѣ наше опозданіе не будетъ играть никакой роли, и съ этой стороны вопросъ разрѣшался благополучно, — но за то краткость срока, которымъ мы располагали для совершенія экскурсіи, сразу заставила насъ отказаться отъ намѣренія идти черезъ Турфанъ. Поэтому рѣшено было по сѣверной дорогѣ достигнуть Джимисара, оттуда дойти до Гучэна, тщательно обследовать мѣстность, а затѣмъ, если останется время, пройти путь Ванъ-янь-дэ, по уже въ обратномъ направленіи — съ сѣвера на югъ — и выйти на Турфанъ.

Въ экскурсіи принялъ участіе, кромѣ меня, мѣстный коммерсантъ Василій Петровичъ Портныхъ¹⁾. Насъ сопровождалъ конвойный казакъ Николай Ларіоновъ и, въ качествѣ проводника, русско-подданный киргизъ Байсалъ.

Въ экскурсію мы запаслись фотографическимъ аппаратомъ, плащетою для съемки городищъ, компасами, большимъ биноклемъ, взяли китайской бумаги на случай, если придется дѣлать эстампажи, захватили веревку для промѣровъ, кирку, лопату, массу письменныхъ принадлежностей и даже ацетиленовый фонарь отъ велосипеда; наконецъ, у насъ были двѣ винтовки Бердана и дробовикъ, не разъ доставлявшій намъ дичь. Такъ какъ предполагалось встрѣтить по пути монголовъ и побывать въ ихъ кочевьяхъ, то взяли нѣсколько дешевенькихъ подарковъ. Они почти не пригодились, потому что монголовъ мы не нашли. Весь нашъ багажъ мы сложили въ нѣсколько переметныхъ сумъ и составили нетяжелый вьюкъ всего на одну лошадь.

Незадолго до отъѣзда мы тщательно перечитали мѣста изъ «Описанія путешествія въ Западный Китай» Грумъ-Гржимайло, гдѣ говорится о Бишбалыкѣ, и въ дорогу взяли двѣ карты: копию 40-верстки, обнимавшую намѣченный для обследования участокъ, и листъ I карты братьевъ Грумъ-Гржимайло. 40-верстка оказалась почти непригодной. На ней перепутаны и искажены многія названія, помѣчены несуществующія, а главное — она довольно бѣдна. Неизмѣримо цѣннѣе карта Грумъ-Гржимайло. Красиво исполненная въ большемъ масштабѣ, весьма подробная, съ названіями, почти всюду правильно транскрибированными, — она явится лучшимъ основаніемъ для послѣдующей карты, на которую возможно будетъ съ большей точностью нанести горные массивы Тянь-шаня и, въ частности,

1) В. И. Портныхъ организовалъ во многихъ городахъ Синь-цзяна скупку бараньихъ кишкетъ; онѣ отправляются большими партіями въ Берлинъ и идутъ на подѣлку струнъ.

хребта Богдо-ула, подробно изслѣдованные въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ нѣмецкимъ профессоромъ Мерцбахеромъ.

Упомянутая карта использована нами при попыткѣ зарисовать нашъ маршрутъ: на копіи, снятой съ соотвѣтствующаго отрѣзка карты, сдѣланы тѣ незначительныя измѣненія въ транскрипціи, правильность которыхъ представлялась безспорной, и нанесены, вмѣстѣ съ дорогами изъ Джимисара и Гу-чэна въ Турфанъ и Даванчянъ¹⁾, географическія названія, относящіяся къ пройденному нами участку горъ.

I.

Отъ Урумчи до Джимисара.

Въ пятницу 29-го августа мы выбрались изъ Урумчи.

Путь до Джимисара рѣшено было пройти возможно скорѣе, а потому и не удалось собрать достаточно матерьяловъ для подробнаго его описанія, которое могло бы представить существенный интересъ при наличности уже имѣющихся описаній того же района. Поэтому предпочтительнѣе ограничиться здѣсь лишь бѣглымъ обзоромъ общаго характера.

Мѣстность отъ Урумчи до Гу-чэна захватываетъ значительный участокъ той длинной ленты предгорной культурной равнины, которая на сотни верстъ простирается вдоль сѣверной подошвы Тянь-шапя, извиваясь сообразно его направленію. На всемъ своемъ протяженіи она покрыта толстымъ лессовымъ²⁾ слоемъ, дающимъ при хорошемъ орошеніи большіе урожаи. По ней разсѣяны большіе и малые оазисы карагачей и тальника, а въ нихъ пріютились города и селенія съ пашнями, плантаціями, базарами, кумирнями, «лиць-панями», кладбищами и прочими элементами несложной жизни этого края.

Упираясь своимъ южнымъ берегомъ въ предгорныя пространства, культурная полоса съ сѣвера ограничена часто прерывающейся цѣпью болотъ, то наступающихъ на нее вплотную, то уходящихъ вглубь равнины. Нерѣдко лёссъ врѣзается въ прорывъ между болотами и, перекинувшись за предѣлы отмежеванной ими территоріи, отропками вытягивается вдоль сѣверныхъ береговъ затопленныхъ участковъ, образуя какъ бы вторую линію оазисовъ.

Болота далеко не представляютъ безнадежно потерянныхъ для культуры пространствъ. У китайцевъ ничто не пропадаетъ даромъ. Шагъ за

1) Правильно — «Да-бань-чэнъ» 達坡城.

2) Подъ лессомъ здѣсь разумѣются илестыя и глинисто-песчаныя образованія.

шагомъ они отмежевывають у болотъ все новыя и новыя участки, выжи-паютъ камышъ, осушаютъ мѣстность канавами, которыя при поливѣ слу-жать одновременно и арыками, и на приспособленныхъ такимъ образомъ къ обработкѣ низкихъ, обильныхъ влагою площадяхъ устраиваютъ рисовыя поля. На всемъ пространствѣ отъ Ши-хо до Урумчи и отъ Урумчи до Гу-чэна эта культурная работа представляетъ общее явленіе. Ди-хуа'ская область живетъ собственнымъ рисомъ, при чемъ производящіе его сѣверныя уѣзды дѣлятся своею жатвою съ Турфаномъ, не имѣющимъ рисовыхъ полей вслѣдствіе сухости климата и недостатка почвенной влаги¹⁾.

Любопытный уголокъ представляетъ болотистая поросшая камышомъ полоса, проходящая въ 15—20 верстахъ къ сѣверо-западу отъ селенія Гу-му-ди. Мѣстность называется «Сань-гэ-цюань-цзы». Въ ней располо-жены около 15 китайскихъ и дунганскихъ заимокъ, окруженныхъ велико-лѣпными рисовыми полями, при чемъ поля эти устроены не нынѣшними владѣльцами, а сохранились съ древнѣйшихъ временъ и только реставриро-ваны современными пахарями. Возникновеніе пашень въ Сань-гэ-цюань-цзы относятъ къ эпохѣ династіи Танъ. Въ дебряхъ камыша, гдѣ въ насто-ящее время водятся кабаны и тигры, и сейчасъ можно найти слѣды древней культуры — еще не возстановленные полузаросшія пашни и остатки осу-шительныхъ каналовъ²⁾.

За цѣпью болотъ идутъ огромныя отдѣльныя площади сыпучихъ песковъ съ безмолвными желтѣющими барханами и неизмѣннымъ сакса-уломъ. Пески во многихъ мѣстахъ проходимы. Черезъ нихъ прошли къ сѣверу пять большихъ дорогъ. Двѣ направляются изъ г. Манаса въ Ко-бук-соуръ и Булун-тохой³⁾; обѣ доступны въ теченіе цѣлаго года. Третья ведетъ изъ г. Фоу-кана къ озеру Улюнгуръ; ею можно проѣхать также и въ Кобук-соуръ, свернувъ къ западу, не доѣзжая Улюнгура. Еще не такъ давно по этой дорогѣ пріѣзжали изъ окрестностей озера Улюнгура въ г.г. Фоу-канъ и Урумчи за мукой и просомъ (будой) алтайскіе урянхайцы, со-ставляющіе такъ называемые «уріаңхай-долб-(н)-хошӯ»⁴⁾, т. е. 7 урянхай-

1) Въ Турфанѣ вода для орошенія полей цѣнится на вѣсь золота, и люди, занимающіеся тяжелой и опасною работою копанія оросительныхъ колодезь-кырызей, составляютъ чуть ли не священную касту.

2) Пишущему эти строки пришлось дважды побывать въ Сань-гэ-цюань-цзы.

3) Киргизы называютъ Бурунъ-тугай; монгольское названіе — «Бүрул-тохой» ᠪᠦᠷᠦᠯᠠᠨᠲᠤᠭᠠᠢ ᠲᠤᠭᠠᠢ; оба названія относятся не къ городу, означенному на 40-верстной картѣ, котораго на дѣлѣ не существуетъ, а къ цѣлой мѣстности въ низовьяхъ р. Урунгу. Тамъ, гдѣ на картѣ помѣченъ городъ, есть около десятка китайскихъ фанзъ.

4) По образу жизни, религій, обычаямъ и костюму это племя ничѣмъ не отличается отъ западныхъ монголовъ, но въ языкѣ ихъ многія слова имѣютъ турецкіе корни. Въ

ских хошуновъ. Теперь они скочевали въ верховья р. Урунгу и движеніе по дорогѣ почти прекратилось¹⁾. Дорога безводна и проходима только зимой, когда есть снѣгъ. Четвертая дорога идетъ изъ г. Гу-чэна въ сѣверо-западномъ направленіи. Ею можно проѣхать и въ бассейнъ рѣки Урунгу и въ Кобук-соурь. Пятая связываетъ г.г. Гу-чэнъ и Кобдо. Эти двѣ дороги оборудованы какъ слѣдуетъ, съ придорожными колодцами и пикетами. Последняя дорога является торговымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ казеннымъ трактомъ.

Попутно слѣдуетъ упомянуть еще объ одной, въ настоящее время заброшенной, дорогѣ, проходящей вдоль южнаго края песковъ. Она начинается отъ станціи Савь-тай и, выйдя къ сѣверу за цѣль болотъ, направляется вдоль ихъ сѣверныхъ береговъ. Основное направленіе дороги — Савь-тай — Дурбульдживъ, но она имѣетъ двѣ вѣтки, отходящія къ городамъ Манасу и Шихо. Этой именно дорогой пользовался во время ликвидаціи дунганскаго возстанія русскій торговецъ Каменскій, доставлявшій муку изъ г.г. Лепсинска и Копала въ Гу-чэнъ для расположенныхъ въ немъ китайскихъ войскъ. До возстанія мѣстность, по которой проходитъ дорога, представляла рядъ небольшихъ воздѣланныхъ оазисовъ, замкнутыхъ между песками и болотами. Дунгане превратили ее въ пустыню, усѣянную развалинами. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе развалины цѣлаго города Ма-цяо-цзы (въ мѣстномъ произношеніи — «Ма-чэ-дзы»), состоявшаго изъ двухъ крѣпостей. Онъ расположенъ на упомянутой дорогѣ²⁾. Въ настоящее время окрестности города совершенно безводны. Покинутыя пашни заростають саксауломъ и превращаются въ дикую степь. Деревья въ большой крѣпости, искусственно разведенныя въ былое время, разрослись въ цѣлый лѣсъ, но на нихъ уже замѣтна близость истощенія подпочвенной влаги, такъ какъ многія начинаютъ сохнуть. Современные китайскія пашни приближаются къ этому району, надвигаясь отъ селенія Ху-ту-би; послѣдній культурный пунктъ — урочище Цзи-цзи-лянъ-цзы — находится отъ Ма-цяо-цзы всего въ 15 верстахъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и окрестности Ма-цяо-цзы снова оживутъ и превратятся въ культурный участокъ.

настоящее время они кочуютъ въ верховьяхъ рѣки Урунгу — рр. Цаганъ-голъ, Чингилъ и Будугупъ — въ сосѣдствѣ съ злетами (одинъ хошунъ), джакачиндами и торгутами. Ихъ прежнія кочевья — окрестности озера Улюнгуръ — заняли киргизы-кирейцы укурдайства Кара-Оспана. По Улюнгуру сосредоточены собственно зимнія кочевья.

1) Въ концѣ минувшей зимы одинъ киргизъ прогналъ по этой дорогѣ свой скотъ, въ томъ числѣ и мелкій, при чемъ все разстояніе отъ Урумчи до Кобук-соура прошелъ въ 14 сутокъ. Обратный онъ доѣхалъ до Урумчи на одной лошади въ четверо сутокъ, пройдя пустыню въ 2½ дня.

2) Пишущему эти строки удалось посѣтить развалины и видѣть заброшенную дорогу. [Врачъ В. А. Строковскій далъ описаніе Ма-цяо-цзы и дороги Манась-Кобук-соурь въ LXXXVI в. «Сборника матеріаловъ по Азіи». *Вл. Л. Котвицъ*].

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ дорогъ, по пескамъ проложена масса тропинокъ; онѣ прекрасно изучены барантачами киргизами и калмыками, проникающими сюда изъ Кобук-соура, Алтая и Кобдо. Въ обитаемой предгорной полосѣ по линіи отъ Урумчи до Гу-чэна мы не нашли ни киргизскихъ, ни калмыцкихъ кочевій. Намъ встрѣтилось на всемъ пути лишь около десятка одинокихъ юртъ. Все это — пришлый элементъ, бродяги и, по отзывамъ жителей, агенты бараптачей, доставляющіе шайкамъ свѣдѣнія о количествѣ скота у мѣстныхъ поселянъ. Китайскія власти слѣдятъ за пришельцами и постоянно выдворяютъ ихъ въ родныя кочевья. Но это все равно, что черпать воду ситомъ: сегодня ихъ выдворятъ, а черезъ мѣсяць они появятся вновь. Нѣсколько калмыковъ и киргизовъ живутъ по китайскимъ и дунганскимъ запкамъ въ качествѣ домашнихъ работниковъ и пастуховъ. Кромѣ этихъ кочевниковъ, другихъ здѣсь нѣтъ и, за исключеніемъ стойбища горсти монголовъ-магометанъ, найденныхъ г. Грумъ-Гржпмайло¹⁾, никакихъ кочевій ни временныхъ, ни постоянныхъ въ указанномъ районѣ не имѣется. Все мѣстное населеніе составляютъ китайцы, дунгане и таранчи; послѣдніе живутъ по преимуществу въ городахъ, занимаясь торговлей и ремеслами.

Возвращаемся къ прерванному описанію предгорной полосы.

Не на всемъ своемъ огромномъ протяженіи, конечно, она сохраняетъ отиѣченный общій характеръ. Отъ Ши-хо до Гу-чэна и Ця-тай не мало встрѣтятся отступленій отъ него и не мало разнообразія, зависящихъ прежде всего отъ силы орошенія.

Въ то время какъ западная часть равнины, богаче орошенная, отиѣчена почти сплошною полосой растительности, образованною протягивающимися другъ къ другу и во многихъ мѣстахъ сливающимися смежными оазисами, — восточная ея часть выглядитъ гораздо бѣднѣе. Здѣсь наблюдается одно весьма любопытное явленіе. Огромный, мощный хребтъ восточнаго Тянь-шаня, главныя вершины котораго, по вычисленіямъ проф. Мерцбахера, достигаютъ болѣе 20.000 футовъ высоты (гора Богдо-ўла), покрытый сѣвѣжными полями и многочисленными ледниками по нѣсколько верстъ въ окружности²⁾, — не даетъ предгорной полосѣ ни одной болѣе или менѣе значительной рѣки и даже рѣчки. Весь сѣверный склонъ хребта избородженъ глубокими ущельями, восходящими до залежей вѣчнаго снѣга; въ головѣ многихъ изъ нихъ сосредоточены обширные ледники, изъ-подъ которыхъ безостановочной струей выбѣгаютъ горные потоки; стремительно

1) Описаніе путешествія въ Западный Китай, I, стр. 257.

2) [Авторъ сообщаетъ эти свѣдѣнія на основаніи личныхъ бесѣдъ съ Мерцбахеромъ. Ср. статью послѣдняго въ «Изв. И. Р. Геогр. Общ.», 1909, в. I—III. В. Л. Котвичъ].

низвергаются они по своимъ сжатымъ скалами, изломаннымъ во всёхъ направлѣнiяхъ русламъ, образуя шумные, пѣнистые водопады и очищаясь въ камняхъ и пескѣ до прозрачности слезы. То и дѣло массу ихъ водъ увеличиваютъ сбѣгающіе въ нихъ по боковымъ ущельямъ второстепенные ручьи и ручейки; потокъ растетъ на глазахъ и тамъ, внизу ущелья, превращается въ шумную, бурливую, полноводную рѣчку студеной воды, по ямамъ и заводямъ которой уже свуютъ стаи горныхъ османовъ¹⁾. Казалось бы, что три-четыре такихъ рѣчки, выйдя изъ горъ и слившись въ общемъ руслѣ, способны образовать значительное водное скопленіе, вполне достаточное для того, чтобы оросить окрестности на большомъ пространствѣ. Но на дѣлѣ выходитъ иначе. Какъ только шумная рѣчка выйдетъ изъ ущелья и успокоившись ровной лентой заструится по отлогому спуску къ равнинной полосѣ, — она начинаетъ таять на глазахъ. Почва, какъ губка, жадно впитываетъ въ себя ея прохладныя струи и земледѣлецъ спѣшитъ по арыкамъ отвести на свои пашни остатки драгоценной влаги. Еще два, много — три десятка верстъ — и отъ рѣчки не остается почти ничего. Ниже, около полосы болотъ, иногда она снова появится изъ-подъ земли на свѣтъ Божій въ видѣ ключей и тотчасъ скроется въ камыши, замутившись въ ржавыхъ топяхъ. Впрочемъ, нерѣдко ключи выступаютъ гораздо раньше, и тогда окрестный районъ покрывается воздѣланными участками, — но въ общемъ влаги здѣсь мало, и орошеніе культурной полосы, примыкающей къ «Богдоула» и далѣе на востокъ, — гораздо слабѣе, чѣмъ на участкѣ Ши-хо — Урумчи.

Пока вездѣ еще хватаетъ воды. Весь этотъ край, 35—40 лѣтъ тому назадъ разоренный и разграбленный, залитый кровью, еще не оправился послѣ ужасной катастрофы и не успѣлъ заселиться такъ густо, какъ былъ заселенъ до дунганскаго возстанія. Современныя пашни не дошли еще до своихъ прежнихъ размѣровъ и восстановленіе ихъ пока не закончилось. Однако опасеніе за недостатокъ воды въ ближайшемъ будущемъ уже существуетъ. 10—20 лѣтъ — и развитіе пашенъ дойдетъ до кульминаціоннаго предѣла. Нельзя будетъ распахивать новыя пространства исключительно изъ-за недостатка воды; отъ нея зависить будущее края, кто знаетъ, быть можетъ, турфанскіе «кярзызи»²⁾ въ томъ или иномъ видѣ найдутъ себѣ примѣненіе и по сѣверную сторону Тянь-шаня, и тогда предѣлы дальнѣйшаго развитія пашенъ совпадутъ съ границами доступныхъ для обработки лёссовыхъ площадей.

1) Мѣстное турецкое названіе рыбы — родъ форели.

2) Колодцы съ сообщающимися дномъ; по нимъ приводится изъ горъ на равнину подпочвенная вода. Кярзызи представляютъ линію колодцевъ; головной, лежащей у горы, — самый глубокой, иногда до 50 аршинъ; колодцы соединяются общимъ подземнымъ ходомъ — трубой. Рытье кярзызей считается святымъ трудомъ.

По описанной равнинной полосѣ проходить большой проѣзжей и торговый трактъ, соединяющій сѣверный Сянь-цзянь съ провинціями внутренняго Китая. Онъ составляетъ восточную часть «Бэй-лу» 北路, т. е. «Сѣверной дороги»; отъ него и за всю Южную Джунгарію утвердилось то же названіе «Бэй-лу», нерѣдко употребляемое китайцами въ официальной перепискѣ. Пыльной лентой вьется безконечная дорога, время отъ времени, какъ вѣхами, отмѣчаемая развалившимися сторожевыми будками изъ глины съ остатками неизмѣнныхъ пяти тумбочекъ-ассистентовъ, и одинокіе оазисы карагачей съ постоянными дворами, городками и селеніями словно нависаны на нее черезъ извѣстные промежутки. Кое-гдѣ полосы рѣдкой растительности тонкими ниточками протянулись отъ этихъ оазисовъ къ горамъ, памѣчалъ русла рѣчекъ, выходящихъ изъ отдаленныхъ падей. Съ юга—полоса предгорныхъ возвышеній, то вытянувшихся впередъ къ дорогѣ обширными, невысокими плоскогорьями, то прижавшихся къ самымъ горамъ, почти сливаясь съ ихъ подошвой. Выше въ глубокихъ ущельяхъ видны черныя пятна хвойнаго лѣса, который покрываетъ всѣ склоны хребтовъ и отроговъ, обращенные къ сѣверу¹⁾. Лѣсъ распространился только на средней высотѣ и длинной полосой прошелъ по всему хребту, сверху и снизу ограниченный открытыми травянистыми прострѣствами. Такова картина къ югу отъ дороги, а на сѣверъ — безпредѣльно раскинувшаяся однообразная равнина, гдѣ на горизонтѣ изрѣдка вырисовываются барханы пригнувшихся песковъ. Вотъ и все. Вниманіе быстро утомляется выдержаннымъ длительнымъ однообразіемъ. Разсѣянный взглядъ праздно блуждаетъ по сторонамъ и чуть ли не въ сотый разъ невольно останавливается на ребристыхъ рѣзкихъ очертаніяхъ горы «Богдо-ѹла»; она видна рѣшительно отовсюду вмѣстѣ съ бѣлыми шапками ея вершинъ.

Однообразно тянется полоса дороги отъ станціи до станціи, пыряя по оазисамъ. Сзади еще не успѣли слиться въ общую массу очертанія деревьевъ предыдущей роши, а впереди уже перечеркнула горизонтъ линия новой зелени. Часть, другой — и она превратилась въ оазисъ; въ немъ городокъ или селеніе, а за нимъ — десятки такихъ же оазисовъ, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга. Однообразіе дорожнаго пейзажа нарушаютъ длинные караваны верблюдовъ и ословъ. Изъ Урумчи они идутъ съ мануфактурой и вообще предметами обрабатывающей промышленности, — обратнo доставляютъ шерсть, кожи, чай. Изрѣдка попадется проѣзжей китайскій чиновникъ въ двухколесной дунганской телегѣ.

Вдоль дороги телеграфная линия. Она содержится крайне небрежно.

1) Южный склонъ восточнаго Тянь-шаня безлѣсенъ.

То и дѣло покосившіеся, висящіе на проволокаѣ столбы; вмѣсто изоляторовъ какіе-то огрызки, а то и прямо голые кронштейны; мѣстами столбы совсѣмъ упали и провода лежать на землѣ. Благодаря этому сообщеніе постоянно прерывается, и въ общей сложности треть года линія обыкновенно бездѣйствуетъ. А между тѣмъ нѣтъ недостатка въ лѣсѣ, годномъ на столбы, и на ремонтъ линіи провинціальное казначейство ежегодно отпускаетъ извѣстную сумму. Конечно, эти деньги почти цѣликомъ кладутъ себѣ въ карманъ чиповники; для отвода же глазъ и для очистки совѣсти за гроши нанимаются надсмотрщики, которымъ поручаютъ непомерно большіе участки. Эти надсмотрщики зачастую совершаютъ обходъ линіи пѣшкомъ, а при такихъ условіяхъ, конечно, не скоро можно обнаружить поврежденіе и принять мѣры къ исправленію его.

Вотъ вкратцѣ все то, что на основаніи собранныхъ матерьяловъ и личныхъ впечатлѣній можно было сказать здѣсь по поводу пройденнаго нами по «Бэй-лу» пути до Джимисара, куда мы прибыли подъ вечеръ 1 сентября.

Заключаю эти строки краткимъ перечисленіемъ станцій и мѣстечекъ между Урумчи и Гу-чэномъ съ указаніемъ разстояній.

Расстояніе.		Названіе пунктовъ (по мѣстному произношенію).	Китайское начертаніе.
Ли.	Версты.		
—	—	г. Урумчи или Дп-хуа-фу	烏魯木齊, 迪化府
22½	9	сел. Ци-да-вань	七道灣
40	16	сел. Гу-му-ди	古牧地
90	36	дьянь Гань-цюань-пу	乾泉堡
130	52	г. Фу-канъ	阜康
145	58	сел. Цю-лунъ-гяй	酒龍街
170	68	дьянь Да-цюань	大泉
190	76	дьянь Сяо-цюань	小泉
215	86	сел. Цзы-ни-цюань	紫泥泉
232½	93	сел. Хэй-ху-гу	黑湖溝
265	106	Сы-ши-ли-дьянь	四十里店
298	119	развалины Ло-тай	老台
305	121	сел. Сань-тай	三台
315	125½	сел. Ву-гунъ-гяй-гяй-цзы	五工街街子
362	144½	г. Джимисаръ	濟木薩, 孚遠

Въ сторону отъ тракта.

Расстояніе.		Названіе пунктовъ (по мѣстному произношенію).	Китайское начертаніе.
Лп.	Версты.		
—	—	г. Джимисаръ	濟木薩
15	6	с. Ху-пу-дзы	後堡子
20	8	разв. По-чэнь-цзы	破城子
112 $\frac{1}{2}$	45	г. Гу-чэнь.	古城

II.

«По-чэнь-цзы».

Еще до прибытія въ Джимисаръ, по дорогѣ, отъ встрѣчныхъ китайцевъ и таранчей мы узнали, что въ 20 ли къ сѣверу отъ этого города, за селеніемъ Ху-пу-дзы, есть большія развалины, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «По-чэнь-цзы» (разрушенный городъ). Поэтому въ Джимисарѣ мы прямо обратились къ сянъ-гуавю¹⁾ съ просьбой дать намъ до По-чэнь-цзы проводника и 2 сентября послѣ полудня отиравились туда, полные одновременно и сомнѣній, и надеждъ. Болѣе всего насъ смущало то обстоятельство, что здѣсь дважды прошла по разнымъ направленіямъ экспедиція братьевъ Грумъ-Гржимайло, которые хотя и нанесли на свою карту какія-то развалины близъ селенія Ху-пу-дзы, но описанія ихъ даже не касались. Но осмотрѣть ихъ тѣмъ не менѣе было необходимо: слишкомъ ужъ много о нихъ говорятъ; а самое главное — намъ съ достовѣрностью было извѣстно, что въ горахъ къ востоку отъ Богдо-ула въ районѣ между Урумчи и Ци-тай имѣются всего два доступныхъ перевала, которыми только и могъ пройти изъ Турфанской долины въ древній Бишбалыкъ китайскій посолъ Ванъ-янь-дэ, давшій наиболѣе подробныя свѣдѣнія о сѣверной столицѣ уйгуровъ, — и что дорога черезъ одинъ изъ этихъ переваловъ выходитъ прямо въ Джимисаръ. Значитъ, Бишбалыкъ могъ оказаться здѣсь. Въ такихъ размышленіяхъ слѣдовали мы за нашимъ проводникомъ, развлекавшимъ насъ разсказами, относящимися къ развалинамъ По-чэнь-цзы.

Мѣстность между Джимисаромъ и По-чэнь-цзы представляетъ равнину, слегка покатую къ сѣверу. Основное направленіе дороги почти прямо

1) Уѣздный начальникъ.

на С. съ незначительнымъ склоненіемъ къ С.С.З. Она проходитъ сначала открытыми степными пространствами; затѣмъ, въ двухъ — трехъ верстахъ отъ Джимисара, вдоль нея начинаютъ попадаться отдѣльныя группы карагачей, а съ 4-й—5-й версты идутъ уже сплошныя заросли, протянувшіяся къ сѣверу до самыхъ болотъ и песковъ. Въ заросляхъ разбросаны многочисленныя займки съ пашнями и огородами. Сѣютъ главнымъ образомъ пшеницу. Близъ Ху-пу-цзы много табачныхъ полей. Мѣстность обильно орошена; всюду арыки, ключи, ручейки. Мы переѣхали двѣ рѣчки. Первая начинается неподалеку отъ дороги изъ степныхъ ключей въ мѣстности Цзи-цзи-во-цзы. Она пересѣкаетъ дорогу въ двухъ верстахъ отъ Джимисара, подойдя къ ней съ юго-востока, и затѣмъ долгое время тянется параллельно почти рядомъ съ дорогой. На 4-й верстѣ послѣдняя круглымъ загибомъ отодвигается къ востоку и тотчасъ переходитъ черезъ другую рѣчку, составляющую одинъ изъ рукавовъ Да-лунъ-коу¹⁾. Обѣ рѣчки идутъ въ глубокихъ лессовыхъ берегахъ. Ниже онѣ впадаютъ въ источникъ, вышедшій изъ ключей, и всѣ вмѣстѣ образуютъ рѣчку Си-хэ; она теряется въ камышахъ къ С.-З. отъ По-чэнъ-цзы.

На 6-й верстѣ—селеніе Ху-пу-цзы (правильнѣе — Хоу-бао-цзы), окруженное старой, почти вездѣ сохранившейся крѣпостной стѣной. До дунганскаго возстанія это былъ небольшой городокъ съ густымъ населеніемъ, двумя кумирнями и гарнизономъ. Онъ не былъ разрушенъ подобно другимъ городамъ и пострадалъ слегка. Уцѣлѣла и часть жителей. Въ немъ много пустыхъ, полуразрушившихся домовъ, сохранившихся отъ времени возстанія. Обѣ старыя кумирни заброшены; въ сѣверномъ концѣ сселенія отстроена новая кумирня въ честь Шэнъ-сянь-лао-ѣ, прекрасно оборудованная, съ красивымъ боковымъ придѣломъ (Нянь-нянь-мяо).

Населеніе Ху-пу-цзы составляютъ исключительно китайцы. Они занимаются хлѣбопашествомъ. Въ селеніи есть маленькій чугунно-литейный заводъ, обслуживающій мѣстныя нужды. Лѣютъ главнымъ образомъ сошники. Нѣсколько разъ приходилось слышать, что заводъ этотъ пользуется старымъ желѣзомъ, вырываемымъ изъ земли въ развалинахъ древняго города; но сами литейщики этого не подтвердили, а заявили, что просто переливаютъ наново негодные, изношенные сошники.

Въ Ху-пу-цзы имѣется «сянь-ю» (старшина) и маленькій полицейскій чиновникъ, ни за что не согласившійся съ нами познакомиться.

Съ восточной стороны селенія протекаетъ топкая, болотистая рѣчка,— жалкіе остатки Да-лунъ-коу, частью разобранныя выше по арыкамъ,

1) Въ мѣстномъ произношеніи «Да-лунъ-ку».

частью впитавшагося въ почву по дорогѣ изъ горъ. Противъ самаго селенія значительныя заросли камыша и топь съ нѣсколькими открытыми заводями. Вѣроятно, объ этихъ заводахъ и упоминается въ трудѣ Грумъ-Гржимайло, гдѣ онѣ названы прудомъ¹⁾.

Еще около 2 верстъ по зарослямъ карагача прямо на сѣверъ отъ Ху-пу-цзы — и передъ нами развернулась большая открытая площадь, усѣянная безформенными глиняными руинами. «По-чэнь-цзы!» объявилъ проводникъ-китаецъ.

Видъ разваливъ превзошелъ всѣ наши ожиданія. Мы были поражены размѣрами городища и сразу какъ-то потерялись среди нихъ, не будучи въ состояннн ориентироваться и схватить общій планъ расположенія города. Всюду огромныя глыбы глины; стѣны во всѣхъ направленіяхъ; глубокіе овраги, то тамъ, то здѣсь пересекающіе городище; въ двухъ-трехъ мѣстахъ цѣлые глиняные холмы причудливой формы, а въ отдаленіи — мощный глиняный валъ-стѣна съ многочисленными черными зияющими отверстіями пещеръ²⁾. Мы съ любопытствомъ бродили по развалинамъ, приводя въ недоумѣніе китайца-проводника своими возгласами удивленія. Каждая руина вызывала массу разнообразныхъ предположеній и догадокъ, все требовало объясненія, и только одно было для насъ уже теперь совершенно ясно и вполнѣ бесспорно: мы стояли на развалинахъ древняго Бишбалыка.

Развалины говорили сами за себя. Въ пройденномъ нами районѣ по сѣверную сторону Тянь-шаня имъ не было соперника, и ни гу-чэнскія, ни ци-тайскія³⁾ древности, о которыхъ мы уже достаточно знали изъ рассказовъ очевидцевъ, — равнымъ образомъ не могли представлять ничего подобнаго.

Краснорѣчивое указаніе «Си-юй-шуай-дао-дзи»⁴⁾ па то, что древній Бишбалыкъ находился въ 20 ли къ сѣверу отъ Джимисара, вполнѣ подтвердилось.

Довольные своею находкой, мы къ вечеру возвратились въ Джимисаръ, чтобы запастись тамъ провизіей и всѣмъ необходимымъ, а затѣмъ переселиться на нѣсколько дней въ По-чэнь-цзы и запятаться подробнымъ изслѣдованіемъ разваливъ.

1) Op. cit. I, стр. 178. Никакихъ плотныхъ или ихъ остатковъ намъ, къ сожалѣнію, отыскать не удалось.

2) Подъ пещерами въ отчетѣ разумеются выемки, сдѣланныя въ искусственно возведенныхъ стѣнахъ.

3) Около Ци-тай, кромѣ руинъ, сохранившихся отъ времени дунгавскаго погрома, нѣтъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ древностей.

4) Грумъ-Гржимайло, op. cit. III, стр. 279; E. Chavannes, Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux, p. 11.

Слѣдующій день принесъ намъ много интереснаго. Проѣзжая черезъ Ху-пу-цзы мы еще разъ заѣхали въ новую кумирню съ намѣреніемъ осмотрѣть ее подробнѣе. Обойдя всѣ божества, мы уже собирались продолжать свой путь, какъ вдругъ у входа подъ висячимъ желѣзнымъ колоколомъ замѣтили валявшіеся въ пыли, покрытые паутиной четыре каменные предмета, очевидно, не относившіеся къ утвари кумирни. Находки оказались буддійскими древностями: огромная голова будды, вѣсомъ около трехъ пудовъ, голова бодисатвы — помельше, статуэтка будды въ сидячемъ положеніи съ отбитой головой и большой шаръ, — всѣ высѣченные изъ мелкаго песчаника. Лучше всѣхъ была голова будды — довольно искусной работы и довольно хорошо сохранившаяся. Впослѣдствіи ихъ удалось приобрѣсти, хотя съ большими затрудненіями, такъ что если бы не содѣйствіе джимисарскаго уѣзднаго начальника, то, вѣроятно, изваянія и до сихъ поръ лежали бы подъ колоколомъ кумирни¹⁾.

Установить съ точностью, гдѣ найдены были эти древности, — намъ, къ сожалѣнію, не удалось. Почти всѣ жители селенія говорили, что изваянія были выкопаны изъ земли въ развалинахъ По-чэнъ-цзы около 15 лѣтъ тому назадъ какимъ-то пахаремъ-китайцемъ. Нашелся, однако, оди́нъ человекъ, который рѣшительно отрицалъ это и доказывалъ, что находки сдѣланы въ самомъ Ху-пу-цзы при постройкѣ кумирни, когда рыли углубленія для закладки фундамента. Если это справедливо, то надо предположить, что на мѣстѣ современнаго Ху-пу-цзы нѣкогда находился какой-нибудь монастырь или кумирня, что вполне допустимо, такъ какъ въ реляціи посла Ванъ-ль-дэ упоминается о трехъ буддійскихъ монастыряхъ — Гаотай-сы, Инъ-юнь-сы и Тай-винъ-сы, — расположенныхъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Бишбалыка²⁾.

Въ По-чэнъ-цзы мы остановились у одного старика-китайца. Имѣлъ со своей семьей онъ уже двадцать лѣтъ живетъ среди развалинъ; выстроилъ фанзу, имѣетъ хорошо обставленное хозяйство и обрабатываетъ пашни, устроенныя въ юго-западномъ углу городища. Мы прожили здѣсь 4 дня, съ утра до вечера бродя по развалинамъ и ихъ окрестностямъ и производя всѣ работы, какія доступны были для насъ при имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи ничтожныхъ средствахъ.

Древнее городище имѣетъ форму неправильнаго многоугольника, растянутаго по меридіану. Оно занимаетъ площадь пространствомъ около одной

1) Въ настоящее время они находятся въ Петроградѣ.

2) Реляція Ванъ-ль-дэ цитируется по переводу St. Julien (*Journal Asiat.*, 1847, IX—St. Julien, *Mélanges de Géographie Asiatique*) и по русскому переложенію его В. В. Григорьева (*Землеводѣніе К. Риттера. Восточный или Китайскій Туркестанъ*, вып. II, отд. I).

квадратной версты и обнесено глинобитными стѣнами съ многочисленными башнями и полубашнями¹⁾ различной величины (Рис. 1 и 2). Толщина стѣнъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ наиболѣе сохранились, достигаетъ 10,5 метр.; насколько можно судить по формѣ развалинъ—стѣны были выведены въ квадратъ. Въ стѣнахъ съ внутренней стороны, а въ башняхъ съ внутренней и съ наружной сохранились кое-гдѣ остатки сводчатыхъ пещерь-комнатъ. Ихъ входы облицованы сырцовымъ кирпичемъ. Этимъ же кирпичемъ во многихъ мѣстахъ облицована верхняя часть стѣнъ. Кирпичъ встрѣчается и въ другихъ развалинахъ внутри города и притомъ въ значительномъ количествѣ, но главной массой строительнаго матерьяла всюду является битая глина²⁾.

Верхній слой развалинъ вывѣтрившійся, рыхлый, но глубже масса глины еще очень прочна. Съ каждымъ годомъ руины уменьшаются: окрестные пахари разрушаютъ ихъ цѣлыми участками; они разбиваютъ плотныя глыбы, подвергаютъ ихъ дѣйствию дождя и солнца, а затѣмъ вывозятъ разрыхленную массу и удобряютъ ею пашни. Удобрение это считается наилучшимъ.

Хотя крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ уже скрыты пахарями до основанія, однако направленіе ихъ еще вполне ясно опредѣляютъ уцѣлѣвшія развалины, и снятіе плана городища является возможнымъ. Съемка показала, что общая длина стѣнъ немного менѣе 4 версты. Какъ упоминалось выше, крѣпостныя стѣны были снабжены башнями и капонирами. Вообще говоря, сооруженія эти сохранились плохо и не вездѣ легко замѣтить ихъ остатки, но такъ какъ несомнѣнно существовала симметрія въ ихъ расположеніи, то можно приблизительно указать ихъ общее число. По нашимъ расчетамъ, башенъ и каповировъ было не менѣе 40. Башня въ восточной стѣнѣ города близъ развалинъ воротъ—на приложенномъ планѣ пунктъ «S», рис. 3—пугловая сѣверо-западная башня являются самыми значительными. Ихъ развалины представляютъ цѣлыя громады глины и поражаютъ своими размѣрами, особенно развалины первой: башня возвышается надъ уровнемъ прилегающаго къ ней пространства въ стѣнѣ болѣе чѣмъ на 20 метр.; но теперь она уже полуразрушена, а въ свое время ея дѣйствительная высота несомнѣнно была гораздо больше. Башня «S» самая крупная изъ развалинъ По-чэнь-цзы.

Городъ имѣлъ трое воротъ—въ южной, восточной и западной стѣнахъ. Южныя ворота обозначены огромнымъ глинобитнымъ выступомъ, имѣвшимъ, вѣроятно, 4-угольную форму; къ сожалѣнію, онъ настолько разрушенъ, что нельзя даже опредѣлить, какой былъ въѣздъ—боковой

1) Капонирами.

2) Длина кирпича достигаетъ 16 дюймовъ, ширина — $7\frac{1}{2}$ д. и толщина — 4 д.

или фронтальный. На мѣстѣ восточныхъ и западныхъ воротъ остались лишь характерные проломы съ выходящими въ нихъ городскими улицами. Сѣверная стѣна города — глухая. Она заслонялась особымъ передовымъ укрѣпленіемъ, расположеннымъ противъ ея середины и примыкавшимъ къ ней вплотную. Никакого хода для внутренняго сообщенія съ городомъ это укрѣпленіе, повидимому, не имѣло; въ немъ были свои виѣшнія боковыя ворота.

Внутри городища сохранились остатки цитадели. Она обнесена, какъ и самый городъ, толстой глинобитной стѣной съ башнями и съ восточной стороны примыкаетъ къ общимъ городскимъ укрѣпленіямъ. Площадь цитадели занимаетъ почти половину всего городища.

Изъ отдѣльныхъ развалинъ обращаютъ на себя вниманіе большія развалины въ юго-западномъ углу города, совершенно окруженныя пашнями. Благодаря близости послѣднихъ, эти развалины страдаютъ больше другихъ, ежегодно теряя изрядную часть своей массы, идущей на удобреніе, по тѣмъ не менѣе онѣ еще очень значительны, и при первомъ взглядѣ на нихъ становится очевиднымъ, что когда-то здѣсь возвышалось огромное строеніе. Быть можетъ, это и была та самая кумирня, гдѣ паходилось знаменитое изваяніе Будды, по поясъ ушедшее въ землю¹⁾.

Самой интересной частью По-чэнъ-цзы являются развалины сѣверной стѣны. Она сохранилась почти цѣликомъ и только небольшой ея участокъ разобранъ пахарями. Стѣна представляетъ мощный глинобитный корпусъ въ формѣ продолговатаго параллелепипеда. Общій видъ руины даетъ основаніе думать, что все сооруженіе было увѣнчано рядомъ куполообразныхъ верхушекъ. Стѣна имѣетъ въ длину около 470 метровъ. На всемъ ея протяженіи съ южной стороны въ ней устроены продолговатыя сводчатыя выемки-пещеры, мѣстами отдѣльныя, изолированныя другъ отъ друга, мѣстами сообщающіяся между собою боковыми ходами и соединенныя по 2 и по 3 въ цѣлыя помѣщенія. Всѣхъ пещеръ мы насчитали больше 60; каждая была тщательно осматрѣна. Всюду въ нихъ картина полного разрушенія и разоренія: груды мусора, проломы, падающіе своды, копотъ, грязь. . . Время и человѣкъ рука-объ-руку совершали здѣсь свою разрушительную работу (Рис. 4).

Что представляло изъ себя это сооруженіе? Можно думать, что въ древности здѣсь помѣщался буддійскій монастырь. На это указываютъ сохранившіеся во многихъ пещерахъ остатки возвышеній для статуй и уцѣлѣвшія кое-гдѣ въ заднихъ стѣнахъ ниши, въ которыхъ находились,

1) Указаніе «Си-ци-чжи». Мэпъ-гу-ю-му-цзи, перев. П. С. Попова, стр. 483.

вѣроятно, живописныя изображенія буддъ. Черезъ извѣстные промежутки встрѣчаются пещеры, приспособленныя для жилья; тщательно пробитые въ нихъ дымоходы сохранились и до настоящаго времени: это были кельи монаховъ.

Тщетно старались мы обнаружить гдѣ-нибудь остатки древней стѣнной живописи, — ея нѣтъ и слѣда. Да и не удивительно, такъ какъ штукатурка почти вездѣ отбита, а если мѣстами и сохранилась, то замазана глиной, подъ которой лишь кое-гдѣ замѣтенъ слой извести. Только въ двухъ пещерахъ мы нашли какое-то малеваніе позднѣйшей китайской работы. Въ первой оказалась раскрашенная рамка стѣнной ниши; съ боку ея уцѣлѣла китайская надпись: 治國安邦福神; вся задняя стѣна пещеры покрыта остатками различныхъ рисунковъ, совершенно испорченныхъ временемъ. Во второй пещерѣ сохранилась прямоугольная картина, исполненная красками, вся въ потекахъ и копоти. На ней ничего нельзя разобрать. Въ боковой надписи можно прочесть только два послѣднихъ іероглифа: «德聖». Внизу, съ обѣихъ сторонъ картины, намалеваны синей краской два льва съ банками цвѣтовъ на спинахъ. Вотъ и все.

Присутствіе китайской живописи и іероглифовъ указываетъ на то, что китайцы жили здѣсь въ позднѣйшее время и, несомнѣнно, поддерживали пещеры, видимо игравшія роль постоянныхъ жилыхъ помѣщеній вплоть до дунганскаго возстанія, и что вообще на развалинахъ По-чэнъ-цзы около этого времени ютилось значительное число жителей. Они раздѣлили общую участь всего китайскаго населенія Бэй-ду, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ нѣсколько разбитыхъ построекъ позднѣйшей архитектуры въ самомъ городищѣ и довольно большое старое кладбище близъ восточной крѣпостной стѣны. Отдѣльные гробы разсѣяны по всей площади между руинами и то тамъ, то здѣсь торчатъ изъ-подъ насыпей, набросанныхъ на скорую руку.

Въ настоящее время сѣверныя пещеры служатъ пріютомъ для бездомныхъ бродягъ. Зимой они собираются сюда цѣлыми партіями, запасаютъ на топливо камышь изъ ближайшей рѣчки, пристраиваютъ къ старымъ дымоходамъ очаги и даже лежанки-каны и живутъ вплоть до весны, занимаясь попрошайничествомъ и мелкими кражами въ ближайшихъ окрестностяхъ. Почти всѣ окрестные пахари тоже пользуются старыми пещерами, превративъ ихъ при помощи различныхъ пристроекъ въ жилья помѣщенія; но они держатся въ юго-западной части городища, поближе къ пашнямъ, и въ сѣверной стѣнѣ не селятся, предоставивъ се цѣликомъ въ распоряженіе бродягъ.

Дальнѣйшее подробное описаніе отдѣльныхъ руинъ не представило

бы интереса, а потому остается только сказать еще нѣсколько словъ относительно общаго вида городища. Обширная, волнообразная площадь внутри стѣнъ усѣяна безчисленными ямами различной формы и величины. Края этихъ ямъ приподняты въ видѣ продолговатыхъ насыпей. Это развалины мелкихъ строеній. Дномъ ямы обозначены провалы крышъ, похоронившихъ подъ собою внутреннія части помѣщений, остатки же стѣнъ образовали края углубленій. Ходить и особенно ѣздить верхомъ по городищу надо съ большой осторожностью, такъ какъ во многихъ мѣстахъ ямы совершенно скрыты подъ разросшимися колючками и сорными травами и ничего не стоятъ попасть въ любую изъ этихъ естественныхъ ловушекъ.

Около ямъ и въ ямахъ мы постоянно находили валяющіеся на поверхности черепки глиняной посуды самой разнообразной формы и выдѣлки. Они разбросаны по всему городищу и поражаютъ своимъ количествомъ. Часть черепковъ обязана своимъ происхожденіемъ, конечно, дунганскому погрому и въ нихъ легко узнать обломки современной посуды, но въ значительномъ числѣ попадаются и такіе черепки, которые ни къ какому типу посуды позднѣйшей выдѣлки не подходятъ: эти являются древностью и, возможно, были вырыты кѣмъ-нибудь изъ земля. Вообще слѣды раскопокъ замѣтны по всему городищу. Современные жители отрицаютъ свое участіе въ этихъ работахъ и равнымъ образомъ категорически заявляютъ, что никакая археологическая или другая экспедиція изъ европейцевъ до сихъ поръ По-чэнь-цзы не посѣщала¹⁾. Вѣроятно, раскопки производилась мѣстнымъ населеніемъ, жившимъ здѣсь до дунганскаго возстанія. Мелькомъ пришлось услышать, что когда-то какой-то китаецъ, временно проживавшій въ По-чэнь-цзы, выкопалъ въ развалинахъ 5 древнихъ золотыхъ монетъ. Найти среди черепковъ хотя одинъ цѣлый предметъ намъ не удалось. Пришлось ограничиться обломками. Особенно интересны черепки изъ сѣрой глины, у которыхъ вогнутая, т. е. внутренняя сторона представляетъ рифленную сѣтчатую поверхность съ очень мелкими клѣтками. Очевидно, при выдѣлкѣ посуды форма, на которую налѣпляли глину, обтягивалась какой-нибудь грубой тканью или же прямо была сдѣлана изъ проволочной сѣтки. Китайскіе гончары теперь такой посуды не выдѣлываютъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что подобные черепки мы нашли еще въ двухъ древнихъ городищахъ близъ города Гу-чэна. Кромѣ черепковъ по-

1) Упоминаютъ только объ одномъ «русскомъ» (здѣсь всѣхъ европейцевъ называютъ русскими), который осенью 1907 года заѣхалъ въ По-чэнь-цзы на нѣсколько часовъ и, побродивъ по развалинамъ, отправился въ Джинисаръ. Вѣроятно, это былъ кто-нибудь изъ экспедиціи Pelliot, который тоже разыскивалъ Бишбалыкъ.

суды, среди развалинъ часто попадаются обломки кирпича самой разнообразной выдѣлки, начиная съ грубаго, плохо обожженнаго и кончая изразцовымъ, — послѣдній, вѣроятно, новѣйшей работы. Кое-гдѣ разбросаны между руинами шлаковидныя массы въ видѣ небольшихъ кусковъ.

Все городище перерѣзано во многихъ направленіяхъ какъ бы глубокими каналами различной ширины. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ каналы перекрещиваются. Самый глубокой изъ нихъ съ трехъ сторонъ окружаетъ цитадель. Часть каналовъ упирается своими концами въ проломы на мѣстѣ городскихъ воротъ. Это — остатки улицъ древняго города (Рис. 5). Ихъ значительная глубина, благодаря которой онѣ напоминаютъ каналы, объясняется тѣмъ, что возвышавшіеся когда-то по ихъ сторонамъ ряды древнихъ зданій, изъ коихъ нѣкоторыя, по свидѣтельству Ванъ-янь-дэ, были многоэтажными, постепенно разрушаясь, завалили своей массой городище и какъ бы приподняли его общую поверхность. Тамъ, гдѣ зданія упали въ улицы, образовались поперечныя перемычки, сохранившіяся до сихъ поръ въ видѣ насыпей неправильной формы. Ширина главныхъ улицъ достигаетъ 35 аршинъ. Наибольшая ихъ глубина свыше 3 сажень. Почти всѣ улицы идутъ прямыми линіями; главный узелъ ихъ находится противъ западныхъ воротъ цитадели.

Въ сѣверо-восточной части городища мы нашли 9 чашеобразныхъ углубленій, рѣзко отличающихся своими размѣрами отъ упомянутыхъ выше многочисленныхъ ямъ на мѣстѣ развалинъ мелкихъ строеній. Въ трехъ самыхъ большихъ углубленіяхъ есть вода. Дно ихъ заросло камышемъ и потому они производятъ впечатлѣніе маленькихъ прудковъ. Въ одномъ изъ этихъ водоемовъ (на планѣ пунктъ В, рис. 6) происходитъ постоянное отложеніе соли въ очень значительномъ количествѣ. Знающіе люди никогда не пройдутъ мимо водоема безъ того, чтобы не захватить по пути кусокъ другой соли. Просто глазамъ не вѣришь, когда изъ этой маленькой лужи начинаютъ вытаскивать прекрасно отложившіеся пласты по 20—30 фунтовъ вѣсомъ. Водоемъ, очевидно, очень глубокъ, такъ какъ всѣ, кто при насъ бралъ изъ него соль, съ величайшей осторожностью дѣлали одинъ-другой шагъ въ воду и дальше не шли, стараясь какъ-нибудь рукой дотянуться до своей добычи, или же прибѣгали къ помощи палки. Вообще мѣстные жители боятся этихъ водоемовъ; о нихъ ходятъ невѣроятные рассказы. Говорятъ, что будто бы ночью уровень воды въ нихъ понижается и въ бокахъ углубленій обнаруживаются подземные ходы. Существуетъ преданіе о какомъ-то китайцѣ-пахарѣ, который захотѣлъ изслѣдовать эти ходы въ надеждѣ добраться по нимъ до подземныхъ сокровищъ; съ этой цѣлью онъ пришелъ однажды ночью къ

самоу большому водоему въ сопровожденіи трехъ своихъ сыновей и, какъ только вода опустилась, открывъ таинственные ходы, всѣ четверо проникли въ нихъ. Никто изъ смѣльчаковъ назадъ не вернулся, и съ тѣхъ поръ за водоемами утвердилась худая слава.

Скажу нѣсколько словъ о древнемъ городѣ, какъ о крѣпости. Съ южной и западной стороны онъ былъ обнесенъ рвомъ, дно котораго въ настоящее время заполнено пашнями. Ширина рва болѣе 10,5 метровъ. Между западными воротами и угловой сѣверо-западной башней городская стѣна образовывала кремальерный выступъ. Огромные размѣры башни и этотъ выступъ объясняются, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь былъ наиболѣе доступный для непріятеля участокъ крѣпости. Быть можетъ, по условіямъ мѣстности, непріятель могъ ближе всего подойти къ городу въ этомъ районѣ, вслѣдствіе чего и потребовалось особенно усилить соотвѣтствующія защитныя сооруженія. Объ укрѣпленіи, воздвигнутомъ на сѣверной сторонѣ города передъ стѣной, уже упоминалось. Укрѣпленіе это играло роль бастіона. Почти всѣ промежуточные крѣпостные каповиры и башни сосредоточивались на южной и западной линіи стѣнъ и были расположены очень часто. Вообще говоря, съ этихъ двухъ сторонъ и съ сѣвера городъ защищался искусственными сооруженіями. Доступъ къ нему съ востока и сѣверо-востока былъ прегражденъ рѣчкой, лѣвый берегъ которой вплотную подходитъ къ городскимъ стѣнамъ. Это та же самая рѣчка, что протекаетъ около Ху-пу-пзы, т. е. остатки Да-лунъ-коу; мѣстные жители называютъ ее здѣсь Дунъ-хэ. Русло Дунъ-хэ очень широкое, съ крутыми лессовыми берегами, охватываетъ прилегающую часть города большимъ загибомъ. Самая рѣчка, топкая, глубокая, узкой лентой струится по своему помѣстительному ложу, образуя частыя заводи, заросшія камышемъ. Ниже города начинаются сплошныя заросли камыша, и рѣчка постепенно переходитъ въ обширное болото.

Съ восточной стороны развалинъ близъ башни «S» мы нашли остатки продолговатой искусственной насыпи, вдающейся въ русло рѣчки. Въ этомъ мѣстѣ русло суживается, и съ противоположнаго берега въ него входитъ небольшой мысокъ. Какое назначеніе имѣла насыпь? Повидимому, здѣсь была устроена плотина; выше насыпи рѣчка образуетъ огромное расширеніе болѣе 425 метровъ въ поперечникѣ и около версты въ длину; при помощи плотины можно было заполнять водой это пространство и, вѣроятно, здѣсь-то и находилось то самое озеро, о которомъ упоминаетъ посольствъ Ванъ-янъ-дэ.

Близъ восточныхъ городскихъ воротъ замѣтны слѣды какихъ-то земляныхъ сооруженій, — тутъ, должно быть, была устроена пристань. Плотина,

пристань и ворота защищались башней «S», доминирующей надъ всею мѣстностью.

Кромѣ развалинъ самаго города, есть еще нѣсколько отдѣльныхъ руинъ, разбросанныхъ въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Одна изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія (рис. 7). Она расположена прямо противъ западныхъ воротъ въ 640 метрахъ отъ городской стѣны. Развалина представляетъ огромный глиняный холмъ около 18 метр. высотой и около 260 метр. въ окружности по линіи основанія. Возстановить первоначальную фигуру сооруженія вполнѣ возможно. Это было прямоугольное глинобитное зданіе въ нѣсколько этажей, горизонтальный разрѣзъ котораго имѣлъ видъ буквы «П», такъ что двѣ песчанутыя параллельныя стороны строенія заключали между своими внутренними ребрами пустой промежутокъ въ формѣ прямоугольнаго параллелепипеда. Этимъ промежуткомъ руина обращена къ югу. Этажи, вѣроятно, были расположены террасами, выступы которыхъ опоясывали все зданіе и служили какъ бы наружными корридорами-карнизами. Въ эти корридоры выходили пробитыя въ корпусѣ строенія пещеры. Заднія стѣны пещеръ, выложенныя сырцовымъ кирпичемъ, еще сохранились кое-гдѣ на вѣншей сторонѣ руины и по ихъ остаткамъ можно предполагать, что этажей было не менѣ трехъ.

По мѣрѣ того какъ зданіе разваливалось, части его вѣшняго фасада съ выступами террасъ и передними стѣнами пещеръ, отдѣляясь отъ главнаго остова и обрушиваясь внизъ, свободно разсыпались у подножія руины; ихъ масса быстро разрыхлилась подъ вліяніемъ атмосферныхъ осадковъ и давно уже пошла на удобреніе ближайшихъ пашень. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ внутреннимъ фасадомъ зданія. Разрушеніе началось, конечно, съ верхняго этажа, наиболее подверженнаго дѣйствію солнца, дождя и вѣтра. Падающія глыбы сосредоточивались въ колодеобразномъ промежуткѣ, заключенномъ между тремя сторонами фасада, и прежде чѣмъ лилія обвала дошла до нижнихъ частей зданія, — своей массой заполнили этотъ промежутокъ, закупорили часть нетронутыхъ еще пещеръ въ глубинѣ фасада и надолго пріостановили процессъ дальнѣйшаго разрушенія. Похороненныя такимъ образомъ пещеры должны быть въ цѣлости и до настоящаго времени, конечно, если только въ нихъ не происходило самостоятельныхъ частичныхъ обваловъ, — а судя по тому, какъ прочно вообще были устроены пещеры, сохранившіяся въ самомъ городищѣ, можно надѣяться, что этихъ обваловъ не было. По своей архитектурѣ зданіе подходитъ къ типу древней постройки Тайзанъ въ «Астана» въ окрестностяхъ Турфана¹⁾. Здѣсь, вѣ-

1) См. отчеты экспедицій Д. А. Клеменца, А. Грюнпеделя и С. О. Ольденбурга.

роятно, помѣщался древній буддѣйскій монастырь, повидимому, одинъ изъ числа тѣхъ трехъ, о которыхъ упоминаетъ посоль Вань-янь-дэ.

Съ западной стороны руины, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, въ широкомъ ложѣ бѣжить топкая, камышистая рѣчка Си-хэ; въ этомъ мѣстѣ она течетъ прямо на сѣверъ, направляясь къ слиянію съ р. Дунь-хэ, но по мѣрѣ приближенія къ послѣдней слегка отклоняется къ западу, какъ бы стремясь принять параллельное ей направленіе. Мѣстность ниже По-чэнь-цзы, замкнутая этими двумя рѣчками, занята пашнями; она распадается на два урочища, называемыя по фамиліямъ владѣльцевъ пашень «Сы-чань-ху» и «Ву-чань-ху». Сплошное, поросшее камышемъ болото, образовавшееся при слияніи упомянутыхъ рѣчекъ, и лежащее за нимъ пространство песковъ мѣстные жители называютъ «Бэй-са-ма», — вѣчто болѣе или менѣе созвучное съ «Бе-сы-ма», однимъ изъ древнихъ китайскихъ названій, приуроченныхъ къ Бишбалыку¹⁾.

Противъ южной стѣны города въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ находится развалина, о которой трудно сдѣлать даже какое-нибудь предположеніе: сохранились три длинныхъ, не особенно толстыхъ глинобитныхъ стѣны какого-то квадратнаго строенія; кое-гдѣ облицовка изъ сырцоваго кирпича; четвертая стѣна совершенно разобрана пахарями.

Наконецъ, противъ той же южной городской стѣны, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, немного западнѣе предыдущей развалины мы нашли еще одну. Тоже что-то неопредѣленное: было, очевидно, небольшое зданіе; часть его разрушилась совершенно, часть сохранилась и напоминаетъ не то высокую гробницу, не то какую-то будку; можетъ быть, былъ субурганъ. Къ сожалѣнію, мы натолкнулись на эту руину въ самый послѣдній день, когда уже совсѣмъ собрались къ отъѣзду. По многимъ причинамъ намъ необходимо было торопиться заканчивать экскурсію, а потому, скрѣпя сердце, мы отказались отъ мысли заняться найденной развалиной и покопать ее.

1) Экспедиціи братьевъ Грумъ-Гржимайло пришлось дважды пройти мимо развалины почти вплотную: въ первый разъ они отъ Ху-пу-цзы обошли городище съ запада, выйдя въ пески близъ «Бэй-са-ма», а во второй — отъ Ху-пу-цзы же миновали его, уклонившись къ югу; городище осталось въ вершинѣ угла, образованнаго этими двумя направленіями. [Эта случайная неудача не помѣшала затѣмъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло, уже по возвращеніи изъ путешествія, отказаться отъ существовавшаго ранѣе взгляда на мѣстоположеніе Бишбалыка и впервые выяснитъ таковое, на основаніи литературныхъ данныхъ, почти съ полною точностью («Путешествіе въ Западный Китай», т. I, стр. 221—226; т. II, 42—43 и т. III, 274—287). Кстати, необходимо отмѣтить, что ошѣщенные на стр. 284—286 т. III 3 снімка внутренности древняго буддѣйскаго храма относятся, по любезному указанію С. О. Ольденбурга, не къ пещерѣ Цянь-фо-дунь въ окрестностяхъ Джиниисара, о которой говоритъ Б. В. Долгезевъ ниже, а къ ущельямъ Туюкь-мазаръ (первый снимокъ съ росписи въ монастырѣ праваго берега, второй съ росписи потолка пещеры лѣваго берега) и Сенгимъ (третій снимокъ съ санскритскою надписью, точное мѣстонахожденіе которой указать трудно) въ окрестностяхъ Турфана; снимки сдѣланы Д. А. Клеменицемъ. *В. Л. Котвичъ*].

Чтобы получить какой-нибудь определенный результат при наших средствах, намъ надо было бы потратить на это нѣсколько дней, чего мы никакъ не могли себѣ позволить; а начать работу на авось, чтобы, не добившись ничего, тотчасъ же бросить ее, возбудивъ только вниманіе окрестныхъ пахарей, и затѣмъ уйти, предоставивъ имъ расхитить то, что могло оказаться въ руинѣ, — было бы болѣе, чѣмъ неразумно. Руина стоитъ въ заросляхъ карагача, почти въ чащѣ.

Заканчивая на этомъ вторую часть описанія нашей экскурсіи, считаю небезынтереснымъ упомянуть, что когда мы возвратились въ Урумчи и рассказывали о развалинахъ По-чэнь-цзы, то намъ удалось получить маленькое свѣдѣніе объ этомъ городищѣ отъ нѣкоторыхъ русскихъ торговцевъ-старожиловъ. По ихъ словамъ, посѣщенные нами развалины называются мусульманами «Сырлы-там», т. е. «Крашенные стѣны»; названіе это приурочено собственно не къ самому городу, а къ отдѣльной руинѣ, находящейся за рѣчкой Дунъ-хэ къ сѣверу отъ По-чэнь-цзы; тамъ, въ занесенныхъ пескомъ пещерахъ, сохранилась, будто бы стѣнная буддійская живопись¹⁾. То же самое подтвердилъ одинъ бійскій торговецъ Кряжевъ, нѣсколько разъ проѣзжавшій черезъ По-чэнь-цзы, мимо котораго къ сѣверу черезъ пески идетъ кратчайшая дорога-тропинка, выходящая изъ Джимисара на трактъ Гу-чэнь-Кобдо. Самой руины Кряжевъ, однако, не видѣлъ.

III.

Отъ По-чэнь-цзы до Гу-чэна и обратно въ Джимисарь. Пещера «Цянь-фо-дунъ».

7-го сентября мы покинули развалины и направились въ Гу-чэнь. Пройдя съ версту зарослями карагача и переправившись черезъ Дунъ-хэ, мы вышли на старый Гу-чэньскій трактъ, ведущій отъ Ху-пу-цзы. Прекрасное описаніе этого пути, пройденнаго г. Грумъ-Гржимайло, находимъ въ I томѣ его труда (стр. 178—179), а потому намъ можно ограничить здѣсь свой рассказъ нѣсколькими словами.

Открытый степной участокъ, широкой полосой протянувшійся отъ послѣднихъ заимокъ на правомъ берегу Дунъ-хэ почти до самаго Гу-чэна, представляетъ великолѣпный лугъ, густо поросшій разными травами въ перемежку съ мелкимъ камышемъ и отдѣльными кучами чіа. Многіе участки луга пригодны для покоса и съ нихъ можно собрать тысячи пудовъ

1) За рѣчкой Дунъ-хэ, къ сѣверу отъ городища, заросли карагача оканчиваются; онѣ виднѣются здѣсь лишь въ видѣ узкой полосы деревьевъ; за ними исподалекъ начинаются пески.

самого питательнаго сѣна, а въ смыслѣ пастбища трудно подыскать что-нибудь лучшее. За всю дорогу ни раньше, ни послѣ мы ни разу не встрѣчали ничего подобнаго, и то обстоятельство, что лугъ этотъ оказался именно здѣсь, въ окрестностяхъ По-чэнь-цзы, заставляло невольно вспоминать про ту «vallée unie, qui s'étend à environ 100 lis», гдѣ, по словамъ Ванъ-янь-дэ, паслись табуны, принадлежавшіе властителямъ Бишбалыка, — и приурочивать къ этой долинѣ описываемый лугъ. Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ только самое слово «долина». потому что, строго говоря, такой терминъ въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнимъ; но съ другой стороны можно, во-первыхъ, предполагать неточность, допущенную при переводѣ соответствующей цитаты изъ описанія Ванъ-янь-дэ, а, во-вторыхъ, вполнѣ допустимо, что самъ онъ выразился неудачно, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что вообще пастбищныхъ долинъ во всемъ окрестномъ районѣ не имѣется. Впрочемъ, тотъ или иной выводъ относительно упомянутой долины для окончательнаго выясненія вопроса о мѣстоположеніи древняго Бишбалыка имѣетъ слишкомъ мало значенія, такъ какъ признакъ этотъ самъ по себѣ весьма неопредѣленный. Равнымъ образомъ при выполнении нашей задачи не представляло необходимости останавливаться и на такихъ указаніяхъ, какъ, напримѣръ, сообщеніе Ванъ-янь-дэ о коршунахъ, ястребахъ и прочихъ хищникахъ, «витавшихъ надъ равниной Бэйтинской», каковое явленіе наблюдалось девять съ лишнимъ вѣковъ тому назадъ¹⁾. Поэтому въ указанномъ направленіи насъ гораздо больше интересовала провѣрка свѣдѣній Ванъ-янь-дэ о знаменитой «дымящейся» горѣ, лежавшей къ сѣверу отъ Бишбалыка, и всю дорогу до Гу-чэна мы тщательно осматривали сѣверный горизонтъ въ сильный бинокль, ища какой-либо возвышенности. Однако обнаружить присутствіе горы²⁾, и даже холма или чего-нибудь подобнаго намъ рѣшительно не удалось. За то немало интереснаго ждало насъ въ Гу-чэнь.

1) По всей пройденной нами предгорной равнинѣ мы встрѣчали различныя породы хищныхъ птицъ. Тамъ, гдѣ много мышей и пташекъ, онѣ держатся въ большемъ количествѣ. Особенно много ихъ между Джимисаромъ и Сань-тай-чэнь.

2) Объ этой горѣ читася въ I т. труда Грумъ-Гржимайло (стр. 228): «Конечно, здѣсь рѣчь идетъ о той плоской возвышенности, которая съ сѣвера ограничиваетъ Гашунскую впадину. Урочище Чичандза къ сѣверу отъ Ци-тай-й является единственнымъ мѣстомъ въ Южной Джунгаріи, гдѣ, на ряду съ каменнымъ углемъ, и по настоящее время добываются амміачные квасцы».

Если это дѣйствительно та возвышенность, которую описывалъ Ванъ-янь-дэ, то можетъ возникнуть нѣкоторое сомнѣніе при выясненіи вопроса о мѣстоположеніи ея относительно Бишбалыка — По-чэнь-цзы, такъ какъ Ванъ-янь-дэ указалъ, что «дымящаяся» гора лежитъ къ сѣверу отъ города, а между чѣмъ Чичандза находится отъ По-чэнь-цзы прямо на С.-В. Это еще не противорѣчіе, потому что въ реляціи Ванъ-янь-дэ мы имѣемъ дѣло далеко не съ точными обозначеніями по компасу, а съ простыми опредѣленіями на

Тотчасъ же по прибытіи туда мы, не теряя времени, приступили къ разпросамъ относительно старыхъ развалинъ и немедленно узнали, что въ ближайшихъ окрестностяхъ имѣются два очень древнихъ городища¹⁾. На слѣдующій день мы ихъ осмотрѣли. Первое примыкаетъ къ самому Гу-чэну; оно имѣетъ форму неправильнаго многоугольника; древнія стѣны почти совсѣмъ разобраны на удобреніе пашень и во многихъ мѣстахъ обозначены лишь чуть замѣтной насыпью. Верхній слой самой площади городища тоже вывезенъ на пашни, и нигдѣ нѣтъ тѣхъ характерныхъ ямъ, которыя мы видѣли въ По-чэнъ-цзы; но за то черепки различной глиняной посуды, какъ и тамъ, попадаются здѣсь въ изобиліи. Въ серединѣ сѣверной стѣны высится огромная руина прямоугольной формы. Дожди образовали въ ней глубокую извивающуюся промоину, по которой можно взобраться на самый верхъ руины. Она довольно высока — около 14 метровъ. Сдѣлать какое-нибудь предположеніе относительно этой руины представляется совершенно невозможнымъ (рис. 8). Съ восточной стороны городища протекаетъ рѣчка. Определеннаго названія она не имѣетъ²⁾; вдоль сѣверной и южной стѣны замѣтны остатки рва; юго-западный уголъ городища отрѣзанъ современною крѣпостной стѣной и заполненъ постройками.

Площадь городища занимаетъ не болѣе 0,2 кв. версты.

Въ почвѣ этого древняго городка не такъ давно постоянно находили металлическія статуэтки буддійскихъ божествъ и серебряныя монеты; въ настоящее время находки почти прекратились, такъ какъ вся масса старой рыхлой земли уже вывезена на пашни и развалины никто больше не тро-

гаютъ. Возможно предполагать и то, что тутъ просто ошибка или описка, что «дымящаяся» гора находилась не къ сѣверу отъ Бишбалыка, а къ югу, гдѣ имѣется цѣлый горный хребетъ, и что въ данномъ случаѣ рѣчь шла о каменноугольныхъ пожарахъ, которые и до сихъ поръ часто происходятъ въ предгорной полосѣ вдоль Бэй-лу. Только недавно, напримѣръ, прекратились такіе пожары (отъ самовозгоранія) въ окрестностяхъ Урумчи, продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ.

1) Объ этихъ городищахъ мы слышали еще въ Урумчи.

2) Китайцы всякую самостоятельно текущую рѣчку (въ отличіе отъ арыка) называютъ «хэ-ба»; это—имя нарицательное; между тѣмъ таранчи и наши сарты привимаютъ его за собственное и, исковеркавъ на свой ладъ, постоянно пользуются имъ въ разговорѣ, при чемъ вводятъ въ заблужденіе другихъ. Именно это случилось съ рѣчками, протекающими около Урумчи и Гу-чэна: изъ «хэ-ба» для урумчійской рѣчки сдѣлали названія «Хубала», «Хубани», «Хубали» и т. д., при чемъ каждый по своему объясняетъ эти слова и даже переводитъ ихъ. Относительно названія гу-чэнской рѣчки былъ заблужденіе Грумъ-Гржимайло, на картѣ котораго она названа «Ха-бао»; въ скобкахъ стоитъ другое названіе— «мо-хэ», т. е. «рѣчка съ мельницей»; это опять не собственное имя, точно такъ же можно назвать и всякую другую рѣчку, на которой стоитъ мельница; названія «мо-хэ» 磨河 и «шуй-мо-хэ» 水磨河 присвоены и «урумчійской Хубала»; ее же называютъ наконецъ и «си-хэ» 西河, т. е. «западная рѣчка». А въ общемъ ни урумчійская, ни гу-чэнская рѣчка определенныхъ названій не имѣютъ.

гаеть; изрѣдка только копаются здѣсь «кладовскатели». Мы приобрѣли двѣ маленькихъ серебряныхъ монеты, по статуэтокъ, къ сожалѣнію, достать не удалось¹⁾.

Второе городище лежитъ въ 3—4 верстахъ выше Гу-чэна справа отъ дороги на Ци-тай. Оно имѣеть форму почти правильнаго квадрата. Площадь его еще меньше, чѣмъ площадь перваго городища. Стѣны сохранились нѣсколько лучше, такъ какъ отсюда до пашень довольно далеко и никто изъ пахарей руинъ не трогаетъ. Въ серединѣ каждой стѣны ясно обозначены остатки воротъ; кое-гдѣ сохранились развалины крѣпостныхъ башенъ. Внутри городища невысокими длинными насыпями обозначены какія-то отдѣльныя руины, — должно быть остатки большихъ внутреннихъ стѣнъ. Слѣдовъ разваливъ мелкихъ строеній незамѣтно. Съ восточной стороны въ нѣсколькихъ саженяхъ протекаетъ упомянутая выше рѣчка. По мнѣнію мѣстныхъ жителей, въ глубокой древности на мѣстѣ этого городища находился укрѣпленный китайскій лагерь, а развалины близъ самаго Гу-чэна они считаютъ остатками уйгурскаго города.

Въ Гу-чэнѣ намъ категорически заявили, что, въ окрестностяхъ Ци-тай, кромѣ разваливъ отъ временъ возстанія дунганъ, никакихъ другихъ не имѣется, а если и встрѣчаются болѣе древнія руины, то незначительныя, въ видѣ остатковъ отдѣльныхъ зданій; цѣлыхъ же городищъ, хотя бы и небольшихъ, тамъ вовсе нѣтъ.

Относительно горныхъ проходовъ попутно удалось узнать, что кромѣ перевала Буйлукъ и Джимисарскаго перевала, есть небольшая горная тропинка, лежащая на меридіанѣ Ци-тай. Ею пользуются пастухи, перегоняя скотъ съ одного склона хребта на другой. Тропинка доступна только въ теченіе 3 лѣтнихъ мѣсяцевъ; въ остальное время года проходъ заваленъ снѣгомъ. Тропинка выходитъ на рѣчку Булукъ. Никакихъ другихъ путей въ Турфанъ черезъ горы не существуетъ.

Продвинуться изъ Гу-чэна съ цѣлью розыска разваливъ еще далѣе на В. — къ Ци-тай — мы рѣшительно не могли по недостатку времени, да впрочемъ это совсѣмъ и не представлялось необходимымъ въ виду упомянутыхъ выше свѣдѣній. Поэтому рѣшено было немедленно повернуть назадъ къ Джимисару и оттуда черезъ горы пройти на Турфанъ.

Дальнѣйшая развѣдка къ востоку отъ По-чэнъ-цзы, т. е. въ ту сторону, съ которой подошелъ къ Бишбалыку монахъ Чанъ-чунь, такимъ образомъ прерывалась, а потому здѣсь остановлюсь на маршрутѣ этого

1) [Монеты присланы Б. В. Долбежевымъ въ Петроградъ; онѣ оказались того же типа, что и находимыя въ другихъ пунктахъ Бэй-лу; экземпляры ихъ имѣются въ Имп. Эрмитажѣ. В. Л. Котвицъ].

путешественника и сдѣлаю оцѣнку полученныхъ нами данныхъ, такъ или иначе имѣющихъ къ вопросу отношеніе.

Вообще говоря, всѣ свѣдѣнія Чанъ-чуня страдаютъ неопредѣленностью и расплывчатостью. Это объясняется въ значительной степени тѣмъ, что Чанъ-чунь представлялъ типъ путешественника, очень увлекавшагося картинами окружающей природы и обладавшаго способностью по всякому поводу приходить въ восторженное настроеніе и пересыпать свой разсказъ лирическими изліяніями. Въ результатѣ изъ его реляціи можно почерпнуть очень немного положительныхъ данныхъ. Извѣстно только то, что пройдя съ сѣвера черезъ пески и достигнувъ перваго уйгурскаго селенія, лежавшаго въ культурной предгорной полосѣ, Чанъ-чунь повернулъ на западъ, миновалъ два городка и прибылъ въ Бишбалыкъ, при чемъ нѣкоторое время ему пришлось идти вдоль рѣчки. Въ какой срокъ совершилъ онъ свой послѣдній переходъ, — не указано, а между тѣмъ это имѣло бы огромное значеніе; справка о рѣчкѣ тоже не особенно ясна.

Въ I томѣ своего труда (стр. 205—229) Грумъ-Гржимайло былъ склоненъ, повидимому, приурочивать древній Бишбалыкъ къ современному Ци-тай или къ какому-нибудь пункту въ «ближайшихъ окрестностяхъ» этого города и, возстановляя маршрутъ Чанъ-чуня, отождествляя упомянутую послѣднимъ рѣчку съ Ци-тай'ской рѣчкой Гань-гоу 乾溝 и даже съ Му-лей-хэ¹⁾, лежащей еще далѣе къ востоку, — а два пройденные Чанъ-чунемъ городка намѣчаетъ, какъ кажется, въ низовьяхъ одной изъ этихъ рѣчекъ, гдѣ, по его словамъ, и нынѣ еще виднѣются слѣды поселеній. Впослѣдствіи Грумъ-Гржимайло, основываясь на китайскихъ данныхъ, самъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на мѣстоположеніе Бишбалыка, и нынѣ его объясненія маршрута Чанъ-чуня должны считаться отпавшими.

Опираясь на этотъ маршрутъ вообще надо съ большой осторожностью, и въ частности вопросъ о пройденной имъ рѣчкѣ безъ всякаго ущерба для дѣла можно навсегда оставить открытымъ, такъ какъ въ виду неясности свѣдѣній Чанъ-чуня съ одинаковымъ правомъ позволительно утверждать, что этой рѣчкой была и Му-лэй-хэ, и Гань-гоу, и даже безымянная Гу-чэнская рѣчка, а потому и самая справка о ней вообще является несущественной; но что касается двухъ городковъ, пройденныхъ Чанъ-чунемъ передъ самымъ Бишбалыкомъ, то это указаніе представляетъ уже значительную цѣнность, и есть полная возможность использовать его, приурочивъ къ упомянутымъ городкамъ найденныя нами близъ г. Гу-чэна, т. е. на предполагаемомъ пути Чанъ-чуня два небольшихъ древнихъ городища. При

1) 木壘河 (въ мѣстномъ чтеніи «Му-люй-хэ»).

такой оцѣнкѣ маршрута Чань-чуня никакихъ натяжекъ не требуется, и свѣдѣнія названнаго путешественника не только не препятствуютъ отождествлять древній Бишбалыкъ и развалины По-чэнь-цзы, но, наоборотъ, служатъ прямымъ основаніемъ для этого.

Изъ Гу-чэна мы прошли въ Джимисарь старой дорогой черезъ Ху-пу-цзы, но въ По-чэнь-цзы уже не заѣзжали, стараясь всячески выигрывать время, такъ какъ прежде, чѣмъ отправиться черезъ горы въ Турфанъ, намъ предстояло еще осмотрѣть кумирню «Цянь-фо-дунь», куда мы и поѣхали въ полдень 10 сентября.

Кумирня находится въ 5—6 верстахъ къ Ю.-З. отъ Джимисара. Ее видно изъ города. Она расположена на лѣвомъ склонѣ небольшого безлѣснаго лога, выходящаго изъ предгорій. Позднѣйшія постройки китайской архитектуры, со всѣхъ сторонъ окружающія главный храмъ, придаютъ всему зданію видъ самаго обыкновеннаго современнаго даоскаго храма. Название «Цянь-фо-дунь» 千佛洞, т. е. «Пещера тысячи буддъ», относится къ центральному строенію, вплотную примыкающему къ горѣ, въ которой сдѣлана глубокая выемка. Кумирня, дѣйствительно, напоминаетъ пещеру, но пещера эта искусственная: ея стѣны, своды и крыша — всѣ выстроены изъ кирпича и глины.

Внутренность кумирни представляетъ два входящихъ одинъ въ другой сводчатыхъ корридора въ формѣ буквы «П», причемъ малый корридоръ охватываетъ прямоугольный массивный корпусъ, приходящійся въ серединѣ помѣщенія; концы корридоровъ обращены къ переднему фасаду кумирни; въ корридорахъ царитъ густой полумракъ.

Прямо передъ входомъ находятся три большихъ глиняныхъ буддійскихъ статуи въ ростъ человѣка, съ окрашенными въ золотой цвѣтъ лицами. Онѣ помѣщены въ разукрашенныхъ нишахъ, изъ которыхъ средняя устроена въ передней стѣнѣ центральнаго корпуса, а боковыя — въ простѣнкахъ между корридорами. Всѣ три статуи изображены съ нищенской чашкой въ рукахъ.

Въ боковыхъ и въ задней стѣнахъ центральнаго корпуса тоже устроены ниши; въ нихъ возсѣдаютъ три статуи поменьше.

Съ обѣихъ сторонъ въ двухъ соотвѣтственно расположенныхъ стѣнахъ большаго корридора высѣчены 18 малыхъ нишъ, около аршина вышиною, по 9 въ каждой стѣнѣ; въ нихъ разставлены статуи съ искаженными лицами¹⁾; нѣкоторыя стоятъ на жабахъ и черепахахъ; передъ каждой выступъ съ курильницей.

1) По словамъ С. Ф. Ольденбурга, посѣтившаго Цянь-фо-дунь въ 1914 г., это 18 ахатовъ хорошей, интересной работы, статуэтки 40—50 сант. высотой. Въ Цянь-фо-дунь ведетъ хорошая дорога, разстояніе 3—4 версты отъ Джимисара.

Вдоль короткой задней стѣны большого корридора распростерто огромное изваяніе Будды въ пирванѣ около 11 аршинъ длины; онъ изображенъ лежащимъ на боку, съ открытыми глазами; правая рука положена подъ голову, лѣвая вытянута вдоль туловища; противъ его ногъ и головы въ противоположной стѣнѣ устроены еще двѣ или три ниши тоже со статуями. Сфотографировать изваяніе или хотя бы только одну голову его невозможно вслѣдствіе тѣсноты корридора и почти полного отсутствія освѣщенія¹⁾.

Кромѣ этихъ главныхъ статуй, сотни маленькихъ фигурокъ, вылѣпленныхъ изъ глины, покрываютъ всѣ стѣны корридоровъ; онѣ насажены на вбитые въ штукатурку деревянные гвозди.

Въ настоящее время никакой древней живописи въ кумирнѣ нѣтъ. Она была, но ее уничтожили сами китайцы, когда ремонтировали кумирню послѣ дунганскаго погрома. Дунгане разбили всѣ статуи, среди которыхъ были экземпляры древней работы. Уцѣлѣлъ только лежащій Будда, хотя и его сильно попортили. Съ 8-го года Гуанъ-суй (1882 г.) кумирню начали постепенно реставрировать; вылѣпили новыя статуи, подновили лежачаго Будду, закрыли штукатуркой древнюю живопись на стѣнахъ и сводахъ, и теперь въ кумирнѣ не осталось почти ничего, что могло бы представлять изъ себя древность.

Всѣ боковыя кумирни — даоскія. Въ монастырѣ живутъ человекъ 15 монаховъ; среди нихъ есть старики. По ихъ рассказамъ, первымъ изъ европейцевъ посѣтилъ кумирню покойный консулъ Балкашинъ, пріѣзжавшій изъ Чугучака. Монахи отзываются о немъ съ почтеніемъ и вспоминаютъ о его щедромъ подаркѣ.

IV.

Изъ Джимисара черезъ Тянь-шань въ Турфанъ и Даванчинъ.

11 сентября мы окончательно покинули Джимисаръ и направились въ горы. Намъ предстояло выполнить послѣднюю задачу нашей экскурсіи — удостовѣрить наличность горнаго прохода между Джимисаромъ и Турфаномъ, то есть пройти по нему и затѣмъ сопоставить полученныя нами данныя объ этомъ проходѣ съ тѣми свѣдѣніями, которыя далъ о своемъ пути черезъ тотъ же участокъ горъ китайскій посолъ Ванъ-янь-дэ, въ X вѣкѣ прошедшій изъ Турфана въ древній Бишбалыкъ.

1) С. О. Ольденбургъ говорилъ, что статую Будды нашелъ случайно какой-то китаецъ, копавшій землю, послѣ чего расчистили храмъ. Статуя производитъ впечатлѣніе старинной; голова ея покрыта бронзовымъ лакомъ; глаза вставные; имѣется фотографія хотя и неудачная, сдѣланная д-ромъ Кохановскимъ. По словамъ монаха, противъ головы Будды имѣется замурованная дверь въ другую внутреннюю пещеру. При посѣщеніи храма С. О. Ольденбургомъ тамъ шло китайское театральное представленіе.

Мы выступили довольно поздно, такъ какъ насъ задержалъ проводникъ-китаецъ, назначенный уѣзднымъ начальникомъ для сопровожденія насъ до станціи Шя-ю-цзы. Задержка произошла изъ-за того, что проводникъ не успѣлъ приготовить себѣ въ дорогу запасъ опиума и съ утра былъ занятъ растираніемъ опиной золы, добытой изъ трубки своего начальника¹⁾. Въ общемъ проводникъ этотъ былъ для насъ не только бесполезенъ, но явился даже помѣхой. Къ 9 часамъ закончилъ онъ свои долгіе сборы и мы получили возможность тронуться въ путь.

Всю мѣстность, по которой проходитъ дорога отъ Джимисара до высшей точки перевала, можно раздѣлить на три характерные участка: постепенно повышающееся открытое равнинное пространство до начала предгорій, зона предгорныхъ возвышеній и, наконецъ, длинное ущелье горной рѣчки Да-лунъ-коу.

До первой станціи «Цюань-цзы-гяй», лежащей въ предгорьяхъ, есть двѣ дороги: колесная и верховая. Первая выходитъ съ трактовой дороги въ Гу-чэнъ въ 3—4 верстахъ за Джимисаромъ. Она идетъ къ предгорьямъ, взявъ направленіе прямо на югъ, и втягивается въ нихъ по отлогому, неглубокому, почти безлѣсному руслу маленькаго источника Дунъ-цюань²⁾, смежнаго съ Да-лунъ-коу 大龍口. Здѣсь, у входа въ предгорья, съ нею соединяется подошедшая съ С.-В. колесная же дорога въ Цюань-цзы-гяй изъ Гу-чэна. Послѣ соединенія общая дорога, перерѣзавъ приблизительно около половины пояса предгорій, покидаетъ русло Дунъ-цюань и, взявъ направленіе на Ю.-З., выходитъ къ Цюань-цзы-гяй. Если ѣхать этимъ путемъ, то до Цюань-цзы-гяй отъ Джимисара считаютъ 70 ли, а отъ Гу-чэна около 100.

Мы шли верховой дорогой — кратчайшей. Прямо изъ Джимисара взяли курсъ почти на Ю. съ малымъ склоненіемъ къ Ю.-В., направляясь въ устье пади Да-лунъ-коу. Равнинный участокъ до предгорій покрытъ рядомъ малозамѣтныхъ, но характерныхъ сферическихъ поднятій почвы, лежащихъ противъ выхода изъ каждой пади; это результатъ долговременныхъ періодическихъ наносовъ изъ горъ во время разливовъ. Да-лунъ-коу разбился на нѣсколько рукавовъ и вѣеромъ распусталъ ихъ по равнинѣ. Главное русло отмѣчено полосой рѣдкой зелени. Мѣстность камениста, растительность тощая, займокъ и пашенъ мало. Ближе къ предгорьямъ зелени больше; у входа въ падь начинаются заросли, переходящія въ чащу. Отъ Джимисара до устья пади около 7-верстъ.

1) Состоятельные китайцы курятъ чистый опиумъ; бѣдняки смѣшиваютъ опииную массу съ золой, остающейся въ трубкахъ послѣ куренія.

2) Названіе это распространено только между мѣстными пахарями.

Предгорья падаютъ въ равнину крутыми спусками. Мѣстами видны почти отвѣсныя голыя глинистыя скаты, какъ морщинами, изрытые глубокими промоинами. Контуры отдѣльныхъ возвышеній рѣзки; здѣсь, передъ равниной, предгорья словно приподнялись, образовали фронтъ крутыхъ пиковъ, причудливо изломали линію ихъ профиля и замаскировали пространства, лежащія у подошвы главнаго хребта. Трудно подуматъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ выше мѣстность перейдетъ въ мягкое волнистое плоскогорье.

Устье пади Да-лунъ-коу тѣсное; рѣчка сильно шумить. Дорога нѣсколько разъ переходитъ съ одного ея берега на другой; кругомъ пышная растительность; чаще всего попадаются карагачъ, круглый тополь, облѣпиха, шиповникъ.

Передъ входомъ въ падь замѣтили какіе-то курганы; они вытянуты въ линію и составляютъ двѣ группы; всѣ курганы осыпаны крупной галькой; кругомъ замѣтны слѣды маленькихъ насыпей. Отъ проводника не получили никакихъ объясненій¹⁾.

Выше, въ полуверстѣ, китайская заимка. За нею падь образуетъ большое расширеніе — котловину эллиптической формы. Да-лунъ-коу отошелъ къ западному краю котловины; съ нимъ отошла и растительность; восточная половина эллипсиса представляетъ открытую каменистую площадь; въ серединѣ ея, слѣва отъ дороги, чашеобразный курганъ, осыпанный галькой. Боковыя возвышенія, ограничивающія котловину, все время сохраняютъ рѣзкія очертанія. Продольный разрѣзъ площади расширенія около 5 верстъ. Дорога пересѣкаетъ ее по серединѣ; время отъ времени она мѣняетъ направленіе; основной курсъ почти на югъ съ малымъ склоненіемъ къ Ю.-В.

Впереди маленькая тѣснина, а за ней вторая, болѣе обширная котловина, сплошь покрытая растительностью, среди которой видѣются заимки. Западный берегъ пади постепенно утрачиваетъ горный характеръ и переходитъ въ линію холмовъ; восточный отмѣченъ обрывами и скалами. Дорога склоняется къ Ю.-З. и, перейдя на лѣвый берегъ Да-лунъ-коу, минуетъ большую богатую кумирню. Отсюда до Джимисара около 13 верстъ.

Отъ кумирни идемъ прямо на югъ. Котловина оканчивается и впереди новая тѣснина. За нею и восточный берегъ пади быстро смягчаетъ свои рѣзкіе контуры и переходитъ въ волнистое плоскогорье. Дорога склоняется къ Ю.-В., переправляется на правый берегъ Да-лунъ-коу, оставляетъ падь и взбирается на пологіе холмы; затѣмъ она снова идетъ на югъ и сохраняетъ это направленіе на протяженіи около 5 верстъ; послѣднюю версту передъ Цюань-цзы-гяй идемъ почти на Ю.-В.

1) Курганы эти отчасти напоминаютъ древніе курганы въ Са-Ъ-пу къ Ю.-В. отъ Урумчи.

По пройденному нами пути от Джимисара до Цюань-цзы-гяй считаются 50—55 ли (около 22 версты). Этой дорогой ѣздить лишь верхом, хотя ѣзда на колесах вполне возможна; мѣшают только камни и частыя переправы черезъ Да-лунь-коу. Всѣ переправы совершаются вбродъ, мостовъ нѣтъ; въ обычное время вода доходитъ до колѣнъ лошади. Ни крутыхъ подъемовъ, ни овраговъ на пути не встрѣчается: повышение мѣстности идетъ постепенно, равномерно, почти незамѣтно. На путешествіе отъ Джимисара до Цюань-цзы-гяй мы потратили 4½ часа; все время двигались среднимъ шагомъ.

Цюань-цзы-гяй 泉子街 (въ мѣстномъ произношеніи «чуан-дзы-гѣй») — большое селеніе въ двѣ улицы, вполне оправдывающее свое названіе, которое въ переводѣ значить: «Базаръ на ключахъ». Это торговое село, состоящее почти изъ однѣхъ лавокъ. Въ немъ нѣсколько кумиренъ и большой театральнй павильонъ, гдѣ въ полнолуіе (15 числа) каждаго мѣсяца обязательно происходятъ въ теченіе нѣсколькихъ дней общественные спектакли¹⁾. Всѣ кумирни — даоскія, позднѣйшаго времени.

Полоса предгорій въ окрестностяхъ Цюань-цзы-гяй представляетъ огромный культурный земледѣльческій районъ, усѣянный зайками и хуторами; черезъ небольшіе промежутки среди нихъ попадаются и цѣлыя деревушки съ базарами и даоскими кумирнями. Кумиренъ вообще здѣсь очень много. Большинство ихъ отстроено недавно на мѣстѣ старыхъ капищъ, тоже даоскихъ, разрушенныхъ дунганями. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ оборудованы только зданія, а внутри вмѣсто статуй разставлены красныя щиты съ ихъ именами; этимъ щитамъ усердно поклоняются.

Какихъ-либо древнихъ монастырей или храмовъ здѣсь, видимо, нѣтъ и услышать что-нибудь о ихъ существованіи намъ рѣшительно не удалось. Самые энергичные наши разпросы и розыски не принесли въ этомъ смыслѣ никакихъ результатовъ.

Населеніе мѣстности состоитъ главнымъ образомъ изъ китайцевъ; на лѣвомъ берегу Да-лунь-коу есть дунганская деревня съ мечетью; въ Цюань-цзы-гяй много лавокъ принадлежатъ кашгарлыкамъ.

Осмотръ окрестныхъ кумиренъ занялъ у насъ весь вечеръ и начало слѣдующаго дня, такъ что въ дальнѣйшій путь на перевалъ мы выступили только около 10 часовъ утра.

Отъ Цюань-цзы-гяй до начала главнаго подъема, т. е. до входа въ ущелье Да-лунь-коу, уже недалеко — всего 5—6 версты. Мѣстность повышается постепенно; кругомъ тянутся пашни, которыя подходятъ къ самой

1) 唱戲 «чанъ-си».

подошвѣ передовыхъ возвышенностей. До входа въ ущелье — ѣзда на колесахъ, но только до входа; дальше возможно лишь вьючное сообщеніе. Идемъ прямо на Ю.-З. Полоса предгорій оканчивается. Сзади, куда только глазъ хватаетъ, безпредѣльно раскинувшаяся равнина, перерѣзанная линіей оазисовъ; видны Джимисаръ и часть тракта. Впереди рельефно выступаютъ могучія очертанія отдѣльныхъ хребтовъ и вершинъ. Ближе всѣхъ на лѣвомъ берегу Да-лунъ-коу высится огромная, увѣчанная скалистымъ пикомъ гора «Ю-мо-сань» 藥茅山. Всѣ сѣверные склоны ея отроговъ покрыты хвойнымъ лѣсомъ. На вершинѣ бѣлѣетъ недавно выпавшій первый снѣгъ.

Приближаемся къ руслу рѣчки. Ея высокіе берега падаютъ почти отвѣсно. Слѣва все ближе и ближе наступаютъ крутые отроги; они вплотную подходятъ къ берегу, прижимаютъ къ нему дорогу-тропинку и заставляютъ ее цѣпляться по узкому карнизу. Направо обрывъ болѣе 100 метровъ глубиной. Внизу глухо шумитъ Да-лунъ-коу, съ трудомъ извиваясь въ каменистомъ ложѣ.

Тропинка перебѣгаетъ нѣсколько боковыхъ ложковъ и круто спускается къ рѣчкѣ. Въ этомъ мѣстѣ ущелье сразу суживается и дѣлаетъ зигзагъ. Гигантская отвѣсная скала преградила путь Да-лунъ-коу и отбросила его въ сторону; онъ прорвался въ бокъ, прорылъ себѣ неширокій проходъ, намылъ и набросалъ въ свое русло тысячи камней и обломковъ скалъ и пѣнясь прыгаетъ по нимъ, наполняя глухую тѣспину своимъ грознымъ гуломъ и шумомъ. Кругомъ лѣсъ. По дну ущелья распространились листовныя породы, главнымъ образомъ круглый тополь; склоны горъ покрыты стройными елями и пихтами; у подножія ихъ кое-гдѣ густо разрослись мхи. Русло потока мѣстами забито и запружено стволами упавшихъ и вырванныхъ съ корнями деревьевъ; ихъ натащилъ Да-лунъ-коу во время своихъ разливовъ. До постоялаго двора Сы-дао-цяо заросли идутъ почти не прерываясь, и только время отъ времени лѣвый (обращенный къ востоку) склонъ ущелья освобождается отъ лѣса, открывая пространные обнаженные крутые скаты, въ вершинѣ которыхъ громоздятся группы неприступныхъ отвѣсныхъ скалъ.

По высокому бревенчатому мостику переправляемся на лѣвый берегъ потока. Отсюда до Цюань-цзы-гай — 8 верстъ¹⁾.

Конструкція мостика, которая носить, кажется, названіе кавказской, — очень интересна: въ одинъ пзъ береговъ, болѣе низкій, закапываются вѣ-

1) Мы прошли это разстояніе въ 2½ час., но по дорогѣ нѣсколько разъ останавливались осматривать встрѣчныя кумирни; а на дѣлѣ по всему участку отъ Цюань-цзы-гай почти съ 1-го мостика можно двигаться со скоростью 5 верстъ въ часъ и верхомъ и пѣшкомъ.

сколько положенныхъ другъ на друга рядовъ толстыхъ бревенъ (съ прокладкою между рядами) такъ, чтобы концы бревенъ выдавались изъ берега надъ русломъ, образуя съ горизонтальной его плоскостью нѣкоторый острый уголъ; при этомъ каждый верхній рядъ бревенъ своимъ обращеннымъ къ рѣчкѣ концомъ продвигается приблизительно на пол-аршина впередъ. Когда нависшій конецъ сооруженія прійдется почти надъ серединой рѣчки, то съ него на противоположный берегъ перебрасывается площадка. Бревна связываются болтами или оковываются желѣзными полосами. Мостики снабжаютъ невысокими перилами. Если ширина рѣчки или оврага значительна, то ряды бревенъ закапываются одновременно съ обихъ береговъ и затѣмъ связываются горизонтальной площадкой, сколоченной изъ такихъ же бревенъ.

До вершины перевала тропинка 6 разъ переправляется черезъ Далунъ-коу, причемъ въ 5 мѣстахъ устроены мостики, подобные описанному; шестой, самый верхній, имѣетъ болѣе простую, обыкновенную конструкцію.

Настоящій подъемъ надо считать собственно отъ первой переправы. Все протяженіе его до высшей точки перевала можно разбить на три участка. .

1) Отъ перваго мостика до постоялаго двора Сы-дао-цяо мѣстность повышается постепенно, позволяя развивать скорость до $3\frac{1}{2}$ верстъ въ часъ; подъемъ берется почти безъ усилія и только отдѣльныя короткія, но сильныя крутизны нарушаютъ общій характеръ дороги въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тропинка перебѣгаетъ съ одного берега потока на другой или перебрѣзаетъ упершіеся въ самое русло отроги. Такихъ мѣстъ (на 1 участкѣ) мы насчитали около 5; изъ нихъ три падаютъ на переправы черезъ Далунъ-коу, считая и первую¹⁾.

Самое ущелье довольно узко, отъ 30 до 50 метровъ. Во многихъ мѣстахъ оно заключено между отвѣсными скалами и завалено камнями и обломками. Тропинка все время представляетъ извилистую линію; основное направленіе ея — прямо на Ю.-З.; отъ 2-го мостика она временно уклоняется къ Ю.Ю. З., но за 3-мъ, наоборотъ, сворачиваетъ на Ю.З. З.; передъ Сы-дао-цяо она идетъ почти на югъ.

Постоялый дворъ Сы-дао-цяо («Четыре дорожныхъ моста»)²⁾ лежитъ между 3-мъ и 4-мъ мостиками и находится отъ первой переправы въ разстояніи не болѣе 6 верстъ.

1) Непосредственно за первымъ мостикомъ самая значительная крутизна длиной до 85 метровъ.

2) Здѣсь можно достать только кипятокъ и плохой клеверъ.

2) За Сы-дао-цяо подъемъ становится круче и двигаться можно со скоростью не болѣе 3 версты въ часъ. Особенно чувствительной дѣлается крутизна выше 4-го мостика, гдѣ въ Да-лунъ-коу входитъ съ запада глубокой боковой логъ съ шумнымъ, пѣнящимся потокомъ¹⁾; отсюда Да-лунъ-коу склоняется къ югу, обходя огромную крутую гору; ущелье сильно суживается; потокъ реветъ, низвергаясь каскадами, и словно кипитъ въ своемъ гранитномъ ложѣ, — но воды въ немъ уже замѣтно меньше. Тропинка камениста.

Характеръ дороги остается неизмѣннымъ на протяженіи около одной версты, при чемъ еще разъ происходитъ переправа черезъ Да-лунъ-коу по пятому мостику, за которымъ ущелье постепенно принимаетъ основное направление на Ю.-З. Одновременно тропинка начинаетъ прижиматься къ лѣвому склону, удаляясь отъ рѣчки, и вдругъ круто взбирается на косогоръ, минуетъ группу скалъ по узкому, напоминающему воротца, прорыву и выходитъ на открытый, безлѣсный скатъ. Правый склонъ ущелья еще покрытъ деревьями, но они уже порѣдѣли и недалеко вверху лѣсъ совершенно оканчивается.

Подъемъ немного смягчается. Мѣстами попадаются площадки и даже спуски. До перевала, видимо, недалеко. Всюду уже обозначились высшія точки отдѣльныхъ гребней и вершинъ; кругомъ стало какъ-то просторнѣе и свѣтлѣе. Внизу гудитъ и шумитъ Да-лунъ-коу, роясь въ глубинѣ ущелья; съ дороги его не видно и только кое гдѣ между мшистыми валунами бѣгутъ пѣвистые водопады.

Передъ послѣднимъ — шестымъ — мостикомъ ущелье склоняется къ Ю.З.З. Подъемъ снова дѣлается круче и труднѣе. Въ одномъ мѣстѣ есть маленькій косой уступъ, образованный совершенно голой скалой²⁾; послѣдняя страшно скользка, и ни одна изъ нашихъ 5 хорошо подкованныхъ лошадей не могла пройти по ней благополучно: всѣ падали и въ концѣ концовъ брали уступъ на прыжокъ.

У самаго мостика высится огромная глыба — скала, издали напоминающая массивную колонну. Отъ Сы-дао-цяо до этой скалы около 6 версты.

Верхній мостикъ перекинуть черезъ прорытый Да-лунъ-коу крутой и очень глубокой оврагъ съ каменистымъ дномъ; передъ оврагомъ пѣтъ площадки и сверху тропинка почти отвѣсно сбѣгаетъ прямо къ самому мостику.

1) Боковыхъ ущелий встрѣчается много, но всѣ они однообразны: очень узки, очень круты и почти всегда съ болѣе или менѣе значительнымъ ручьемъ или рѣчкой.

2) Площадь скалы не болѣе одной кв. сажени.

Это очень опасное мѣсто, а между тѣмъ мостикъ построенъ непрочно и снабженъ слишкомъ низкими перилами. Зимой здѣсь часто погибають ослы. При спускѣ къ мостику животное, нагруженное тяжелымъ, а, главное, громоздкимъ для его роста выюкомъ, напримѣръ съ шерстью или хлопкомъ, начинаетъ скользить по обмерзлой крутой тропинкѣ; при этомъ, не будучи въ состояніи сдержатъ напоръ тяжести, разбѣгается и со всѣхъ ногъ влетаетъ на обледенѣлый мостикъ; но такъ какъ передъ мостикомъ тропинка дѣлаетъ небольшой загибъ, то часто, повинуясь инерціи, оселъ не успѣваетъ въ нужную минуту сдѣлать необходимый поворотъ, чтобы попасть на середину мостика, и натывается на перила, при чемъ, конечно, теряетъ равновѣсіе; неустойчивый выюкъ мгновенно перетягиваетъ его за перила и несчастный оселъ падаетъ въ оврагъ.

Мостикъ рѣдко чинятъ, потому что поднимать строительный матерьялъ на эту высоту затруднительно; починку зачастую производятъ сами проѣзжающіе, а мѣстная администрація, какъ намъ объяснили, не принимаетъ и почти никогда не принимала какихъ-либо мѣръ не только къ разработкѣ перевала, но даже къ поддержанію мало-мальски добропорядочнаго состоянія дороги.

3) Отъ 6-го мостика Да-лунъ-коу уходитъ почти на западъ, онъ бѣжитъ въ глубокомъ скалистомъ оврагѣ, образуя частые водопады. Въ вершинѣ его виднѣется огромная бѣлая шапка снѣговой горы. Тропинка разстается съ потокомъ и по широкому боковому распадку уклоняется къ югу. Передъ самымъ переваломъ она идетъ прямо на югъ.

Эта часть дороги самая трудная. Крутизна уклона очень значительна, — болѣе 45°; мѣстами подъемъ берется двойными и даже тройными зигзагами. Отъ послѣдняго мостика до высшей точки перевала не болѣе 2 верстъ. Мы сдѣлали это разстояніе въ 1 ч. 10 м.

Сосѣднія вершины и гребни со всѣхъ сторонъ обступаютъ глубокую сѣдловину, по которой перекинулась черезъ хребетъ тропинка, и совершенно заслоняютъ горизонтъ. Ледниковъ нигдѣ не видно. Кругомъ тонкая снѣжная пелена съ частыми проталинами. На нихъ вездѣ замѣтны остатки выбитой, выцѣпанной и прихваченной первыми морозами зелени. Лежація на одной высотѣ съ переваломъ въ склонахъ окружающихъ хребтовъ нѣсколько чашеобразныхъ распадковъ, изъ которыхъ выливаются лога и ущелья, совершенно занесены снѣгомъ; но снѣгъ этотъ свѣжій, недавно выпавшій; до линіи вѣчныхъ снѣговъ еще далеко.

Никакихъ наблюденій для опредѣленій высоты перевала мы, за отсутствіемъ инструментовъ, не производили, но учитывая потраченное на подъемъ время, крутизну покатоности, качества дороги и всѣ другія побочныя

обстоятельства, мы пришли къ заключенію, что высота перевала едва ли достигаетъ 10.000 футовъ.

На перевалѣ мы спугнули стаю горныхъ индѣекъ¹⁾; онѣ улетѣли къ верхнимъ скаламъ.

Перевалъ проходимъ во всякое время года и черезъ него безостановочно происходитъ въичное и верховое движеніе между Турфанскимъ оазисомъ и соотвѣтствующимъ противоположащимъ райономъ Бэй-лу отъ Савь-тай до Гу-чэна включительно²⁾.

Уже смеркалось, когда мы начали спускаться. Проводникъ-китаецъ вдругъ заявилъ, что дальше онъ не пойдетъ, потому что у него болитъ голова, и, свернувъ съ дороги къ ближайшимъ скаламъ, сталъ устраиваться на ночлегъ. Просто-на-просто ему пришла пора курить опиумъ, а, кромѣ того, онъ боялся итти въ темнотѣ. Мы рѣшили бросить его и двинулись дальше, такъ какъ В. П. Портныхъ прекрасно зналъ дорогу.

Скалистые отроги, ограничивавшіе широкой разлогъ, по которому тропинка идетъ отъ перевала, быстро сблизились почти вплотную, образовавъ глубокое, крутое и чрезвычайно узкое ущелье; по дну его, клубясь и пѣнясь, каскадами срывался небольшой потокъ. Это не ущелье, — это какая-то тѣснина-щель, прорубленная въ гранитномъ тѣлѣ горъ могучею рукой природы. Высокія боковыя скалы отвѣсными стѣнами идутъ почти не прерываясь; ширина промежутка между ними зачастую не превышаетъ 10 метровъ; тропинка цѣпляется надъ обрывомъ по узкому, косому карнизу, во многихъ мѣстахъ размытому и обвалившемуся до половины; то и дѣло она перебѣгаетъ черезъ потокъ, заваленный огромными камнями и обломками скалъ; нигдѣ ни одного мостика — всѣ переправы вбродъ; и такой спускъ вплоть до ст. Ши-ю-цзы, т. е. на протяженіи около шести верствъ.

По ущелью мы подвигались уже при полной темнотѣ. Продѣвъ согнутую руку въ поводъ, шли другъ за другомъ, не глядя подъ ноги только стараясь не терять изъ виду чуть блѣвшую впереди полоску тропинки. Лошадь въ поводу — съ ея инстинктомъ и чутьемъ — въ такихъ случаяхъ самый надежный спутникъ: если оступишься или споткнешься, то удерж-

1) Тюркское названіе — «уларъ» اولار; по-китайски 雪鷄 сию-цзи, т. е. «снѣжная курица».

2) Въ общемъ перевалъ нельзя назвать труднымъ, особенно если принять во вниманіе, что мы имѣемъ дѣло съ Тянь-шанемъ. Одинъ изъ членовъ нашей маленькой экспедиціи почти весь путь отъ перваго мостика прошелъ пѣшкомъ и сѣлъ на лошадь только передъ самымъ переваломъ на послѣдней полуверстѣ, чтобы выиграть время и выбраться на перхъ за-свѣтло.

жишься на поводѣ; если собьешься съ тропинки и слишкомъ приблизишься къ обрыву, — животное станеть и упрется и этимъ предупредитъ паденіе, возможное каждую минуту.

Несмотря на всё препятствія, мы двигались довольно быстро: подгоняла крутизна спуска. Время отъ времени взглядывали на компасъ и часы, освѣщала циферблатъ папирисой. Общее направленіе ущелья — на Ю.-В. Передъ ст. Ши-ю-цзы оно дѣлаетъ небольшой полукруглый изгибъ. У самой станціи съ нимъ сливается боковая щель и ниже соединенія скалы сильно раздвигаются. Отъ перевала до Ши-ю-цзы мы шли 2 часа 10 минутъ.

Въ Ши-ю-цзы 石窰子, кромѣ небольшого постоялаго двора, есть нѣчто въ родѣ таможеннаго и полицейскаго поста, гдѣ живутъ два стражника. На обязанности ихъ лежитъ охранять дорогу, проверять провозимые товары по предъявленнымъ накладнымъ, а также выдавать эти накладныя караванамъ, еще не успѣвшимъ записаться ими, идя изъ такихъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ учреждений, завѣдывающихъ выдачею провозныхъ свидѣтельствъ. Никакихъ сборовъ (кромѣ, конечно, взятокъ) здѣсь не взимается. Подобные таможенные посты, называемые «ка-дзы» 卡子, разбросаны по всемъ торговымъ дорогамъ и подчинены не таможеннымъ властямъ, а уѣзднымъ начальникамъ. Въ Китаѣ, кромѣ пограничнаго и провинціального таможеннаго обложенія, существуютъ еще мѣстные, такъ сказать, земскіе таможенные сборы; они идутъ на устройство дорогъ, мостовъ и прочія мѣстныя нужды, а чаще всего — въ карманы уѣздныхъ начальниковъ.

Отъ содержателя постоялаго двора и стражниковъ получили свѣдѣнія о всѣхъ иностранцахъ, проходившихъ черезъ перевалъ. Оказалось, что въ послѣднее время здѣсь проходили многіе и, въ томъ числѣ, кто-то изъ экспедиціи г. Pelliot, но, повторяю, — въ послѣднее время; честь же, такъ сказать, «открытія» этого перевала принадлежитъ В. П. Портныхъ, который первый прошелъ черезъ него (въ 1903 году), а затѣмъ сталъ имъ пользоваться самъ и указалъ на него другимъ¹⁾.

Отъ Ши-ю-цзы дорога нѣкоторое время сохраняетъ направленіе на Ю.-В. Вчерашній бурливый потокъ теряется въ камняхъ и пескѣ верстахъ въ двухъ ниже станціи. Спускъ становится значительно отложе. Мѣстность совершенно безлѣсна. Вообще на южномъ склоуѣ хребта нѣтъ почти никакой растительности. Пройдя около 4 версты вступили въ широкое поперечное ущелье и направились по нему прямо на югъ. До станціи Сань-

1) О существованіи этого перевала впервые сообщилъ, по разспроснымъ свѣдѣніямъ Г. Е. Грималь-Гржимайло съ указаніемъ, что это перевалъ снѣжный (op. cit., I, стр. 226).

сань-коу дорога не мѣняетъ этого направленія. Ущелье безводно и очень каменисто. Мелкіе угловатые обломки породъ лежатъ сплошнымъ слоемъ; если бы не камни, то по ущелью возможно было бы ѣхать рысью, такъ какъ уклонъ совершенно незамѣтенъ. Впереди въ концѣ ущелья видѣются куны тополей и тальника; за ними лежатъ небольшой разработанный подъ пашню участокъ. Отъ Ши-ю-цзы до Сань-сань-коу 14 верстъ.

Станція (постоялый дворъ) Сань-сань-коу ≡ 山口 расположена въ устьѣ упомянутого каменистаго ущелья при слияніи его съ широкимъ ущельемъ рѣчки «Джуван-терекъ» (جوان تيراک) въ мѣстномъ произношеніи — «Юган-терекъ»). Это полноводная большая горная рѣчка, разбившаяся въ своемъ широкомъ руслѣ на нѣсколько рукавовъ. Около Сань-сань-коу въ нее вливаются десятки ручейковъ, вышедшихъ неподалеку изъ ключей.

Кстати, нѣсколько словъ о названіи пройденнаго нами перевала. Называютъ его различно: въ Джимисарѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Турфанскаго; въ Турфанѣ его именуютъ Гу-чэнскимъ; нѣсколько разъ пришлось слышать названіе Ши-ю-цзы-дабанъ, т. е. переваль Ши-ю-цзы, и наконецъ, зачастую, переваль называютъ Джуван-терекъ-дабанъ, т. е. переваль рѣчки Джуван-терекъ. Послѣдніа два названія, пожалуй, самыя популярныя.

Итакъ, горный проходъ между Джимисаромъ и Турфаномъ существуетъ. Остается только выяснитъ вопросъ, возможно ли пріурочивать къ нему переваль, описаніе котораго находимъ въ реляціи посла Ванъ-янь-дэ.

Сравнивая это описаніе съ нашими свѣдѣніями о перевалѣ, съ перваго взгляда надо сказать, что они весьма мало совпадаютъ.

Ванъ-янь-дэ, прошедшій черезъ горы въ лѣтнее время, указалъ, что «по всему перевалу (лежали) густые пласты снѣга» и что «проходить имъ могутъ путешественники, лишь закутавшись въ шерстяную одежду». Присутствие массы снѣга и низкая температура, заставляющая путниковъ прибѣгать къ теплomu платью, отмѣчены какъ явленіе болѣе или менѣе постоянное, а потому невольно выступаетъ предположеніе, что на самомъ перевалѣ или со-всѣмъ по-близости находился ледникъ. Нѣчто подобное сообщалъ, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, какъ указано выше, и Г. Е. Грумъ-Гржимайло. На ряду съ этимъ Ванъ-янь-дэ даетъ и еще одну второстепенную справку: «На самой вершинѣ перевала . . . на камнѣ надпись: «Сяо-сюэ-шань» 小雪-山 (Малая снѣговая гора).

Никакихъ ледниковъ, никакого камня съ надписями мы на перевалѣ не нашли. Отсутствіе послѣдняго, конечно, еще ничего не доказываетъ, такъ какъ камень могъ упасть и разбиться или же просто кто-нибудь уни-

чтожил надпись. Что же касается ледника, то, если онъ раньше дѣйствительно былъ, возможно предположить, что за тѣ девять столѣтій, которыя отдѣляютъ насъ отъ временъ Ванъ-янь-дэ, ледникъ этотъ могъ растаять; или, можетъ быть, растаяла небольшая часть его, занимавшая пространство у перевала, а главная масса льда и до настоящаго времени залегаеъ гдѣ-нибудь по близости, напрямѣръ, въ верховьяхъ Да-лунъ-коу.

Если допустить это предположеніе, то остальные свѣдѣнія относительно перевала начинаютъ совпадать. Такъ, напрямѣръ, извѣстно, что Ванъ-янь-дэ прѣбылъ въ Бишбалыкъ черезъ день послѣ того, какъ поднялся на хребетъ; иначе говоря, съ перевала до Бишбалыка онъ шелъ около двухъ дней. Этотъ переходъ вполне соответствуетъ разстоянію отъ перевала до По-чэнь-цзы. Въ настоящее время вьючные караваны, идя изъ Турфана въ Джимисаръ, ночуютъ на южномъ склонѣ послѣдній разъ обыкновенно въ Ши-ю-цзы; отсюда они выходятъ съ разсвѣтомъ и къ вечеру достигаютъ селенія Цюань-цзы-гяй, а на другой день около полудня приходятъ уже въ Джимисаръ. Но нерѣдко послѣдній ночлегъ на южномъ склонѣ бываетъ ниже Ши-ю-цзы на ст. Сань-сань-коу, откуда въ Джимисаръ можно попасть только на второй день къ вечеру, при чемъ, идя отъ Сань-сань-коу, первый переходъ дѣлаютъ до Сы-дао-цяо. Если Ванъ-янь-дэ до подъема на хребетъ ночевалъ послѣдній разъ въ Сань-сань-коу, или, вѣрнѣе, тамъ, гдѣ теперь находится эта станція, то, выступивъ отсюда съ разсвѣтомъ и переваливъ хребетъ, онъ обязательно долженъ былъ заночевать гдѣ-нибудь въ верху ущелья и во всякомъ случаѣ не ниже Сы-дао-цяо. На другой день онъ могъ дойти до Цюань-цзы-гяй и даже выйти изъ предгорій, но добраться до Бишбалыка — По-чэнь-цзы раньше вечера не успѣлъ бы, а потому сдѣлалъ еще одинъ ночлегъ, чтобы прѣѣхать въ столицу днемъ, т. е. въ такое время, когда для всѣхъ удобнѣе было выполнить церемональ почетной встрѣчи посла.

Такой маршрутъ вполне допустимъ, но только при этихъ условіяхъ Ванъ-янь-дэ долженъ былъ идти очень быстро, чего вообще трудно было бы отъ него ожидать, во-первыхъ, какъ отъ *китайскаго* сановника, а во-вторыхъ, какъ отъ посла. А потому гораздо вѣроятнѣе, что Ванъ-янь-дэ двигался не торопясь, въ 5 сутокъ прошелъ изъ Турфанскаго оазиса до Ши-ю-цзы, каковое разстояніе обыкновенно дѣлаютъ въ 3—4 сутокъ¹⁾, а отсюда, также не спѣша, въ 2½ перехода достигъ Бишбалыка, лежав-

1) Отъ Турфана до ст. Ши-ю-цзы три перехода: Шантала, Сань-сань-коу и Ши-ю-цзы; Ванъ-янь-дэ шелъ не изъ гор. Турфана, вѣроятно, а изъ Идыгот-шара (Цянь-тинъ), откуда до Турфана еще полъ-перехода.

шаго на 8 верстъ далѣе современнаго Джимисара, до котораго отъ Ши-ю-цзы же поговшики ословъ (ишакчи) обыкновенно дѣлають только полтора перехода. Такое распредѣленіе пути Ванъ-янь-дэ тоже вполне возможно.

Есть и еще одно маленькое указаніе въ пользу того, что Ванъ-янь-дэ шелъ изъ Турфана въ древній Бишбалыкъ именно нашимъ переваломъ: въ его реляціи говорится, что путешествуя черезъ горы онъ прошелъ «Долиной Дракона», а это названіе совпадаетъ съ названіемъ ущелья, по которому идетъ современная дорога черезъ хребетъ, и горнаго потока, именуемыхъ «Да-лунъ-коу» 大龍口, что въ переводѣ значить «Проходъ Большаго Дракона».

Чтобы исчерпать всѣ возможныя комбинаціи пути Ванъ-янь-дэ, слѣдуетъ упомянуть еще, что на сѣверномъ склонѣ хребта, между 2-мъ и 3-мъ мостиками, по боковому ущелью съ порядочной рѣчкой ушла вверхъ въ Ю.-В. направленіи небольшая тропинка, по которой, какъ намъ объяснили, можно пройти до самой вершины хребта. Когда мы, переваливъ черезъ горы, шли отъ ст. Ши-ю-цзы, то въ 3—4 верстахъ ниже ея вступили въ широкое, пологое, видимо, очень длинное ущелье, уходявшее вверхъ почти на С. По нашимъ расчетамъ, вершины этого ущелья и вышеупомянутаго ущелья съ тропинкой должны совпадать. Быть можетъ, во времена Ванъ-янь-дэ дорога черезъ перевалъ шла именно здѣсь и вполне допустимо, что въ этомъ мѣстѣ, въ вершинѣ хребта, есть ледникъ, изъ-за котораго въ позднѣйшее время дорога была оставлена и найденъ новый путь въ обходъ по боковой щели черезъ Ши-ю-цзы. Къ сожалѣнію, отъ мѣстныхъ жителей ничего не удалось узнать на счетъ этого предполагаемаго прохода.

Впрочемъ, все это только гипотезы, въ большей или меньшей степени допустимыя, и всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя явились бы недостаточнымъ основаніемъ для правильнаго возстановленія пути Ванъ-янь-дэ, если бы къ нимъ не присоединилось еще одно, очень важное обстоятельство, а именно — отсутствіе между Турфанскимъ оазисомъ и Бэй-лу въ районѣ отъ Урумчи до Ци-тай другаго перевала черезъ горный хребетъ, кромѣ описаннаго¹⁾. Вѣдь, не черезъ Буйлукъ же шелъ Ванъ-янь-дэ. Отъ этого перевала до По-чэнъ-дзы пять основательныхъ переходовъ и чтобы сдѣлать ихъ хотя бы въ два съ лишнимъ дня, Ванъ-янь-дэ долженъ былъ бы скакать въ Бишба-

1) Восточнѣе вершины Богдо-Ула въ горахъ есть небольшая тропинка, которой можно пройти черезъ хребетъ отъ ст. Са-ѣ-пу (у южнаго склона) въ Ци-ни-цюань-цзы (на Бэй-лу); это воровская тропинка, продолженная киргизами-бараятаами; теперь почти всѣхъ киргизовъ выдворили изъ Ди-хуаской области и тропинка потеряла свое «значеніе».

лыкь сломя голову. Слишкомъ мало основаній для такого предположенія, а потому до тѣхъ поръ, пока между Джимсаромъ и Ци-тай не будетъ открытъ новый доступный горный проходъ въ Турфанъ, — позволительно утверждать, что Ванъ-янъ-дэ шелъ въ древній Бишбалыкъ именно тѣмъ переваломъ, которымъ прошли мы, т. е. черезъ Сань-сань-коу—Ши-ю-цзы и по ущелью Да-лунъ-коу; если бы это было не такъ, то надо было бы дать иное объясненіе всему тому, что было нами найдено, а самое главное — отыскать новыя развалины, болѣе грандіозныя, чѣмъ По-чэнь-цзы. Такихъ развалинъ въ соответствующемъ районѣ Бэй-лу нѣтъ. По-чэнь-цзы — это древній Бишбалыкъ!

Въ Сань-сань-коу намъ сообщили, что, кромѣ дороги на Турфанъ, отсюда есть прямая тропинка въ Да-бань-чэнь. Заинтересовавшись этой тропинкой, а также имѣя въ виду выиграть время и поскорѣе возвратиться въ Урумчи, — мы рѣшили раздѣлиться. Въ Турфанъ поѣхалъ одинъ В. П. Портныхъ и описаніе участка дороги отъ Сань-сань-коу до этого города сдѣлано на основаніи его замѣтокъ; остальные же участники экскурсіи свернули прямо на Да-бань-чэнь.

Отъ Сань-сань-коу нѣсколько верстъ мы ѣхали всѣ вмѣстѣ, двигаясь на Ю.-З. внизъ по ущелью Джуван-терека. Перекинувшись на лѣвый берегъ рѣчки, тропинка почти все время идетъ по дну ущелья и только въ одномъ мѣстѣ зачѣмъ-то взбирается на очень высокій, обрывистый карнизъ, хотя непрерывное движеніе по самому руслу вполне возможно.

На пятой верстѣ ущелье значительно суживается, дѣлаетъ крутой загибъ и вмѣстѣ съ турфанской тропинкой уходитъ почти на Ю. Противъ вершины угла, образованнаго поворотомъ ущелья, правый склонъ послѣдняго, который отъ самага Сань-сань-коу шелъ, все время понижаясь, образуетъ глубокую сѣдловину; по ней, бросивъ русло Джуван-терека и взявъ курсъ на С. З. З., уходитъ тропинка въ Да-бань-чэнь. За сѣдловинной перпендикулярно направленно тропинки, постепенно склоняющейся къ Ю. З. З., прошелъ неглубокій сухой логъ; онъ спускается къ Джуван-тереку и входитъ въ него, разорвавъ невысокую скалистую цѣпь, составляющую правую грань ущелья; это — послѣдній логъ, принадлежащій къ системѣ Турфанской долины. Его западный берегъ является какъ бы линіей водораздѣла: за нимъ всѣ рѣчки, ручьи, скаты и спуски направляются уже въ Да-бань-чэнскую котловину. Ниже соединенія лога съ Джуван-терекомъ разорванная цѣпь правой грани ущелья круто поднимается высокимъ массивнымъ гребнемъ и превращается въ самостоятельный хребетъ, уходящій на Ю. З. З. Онъ служитъ смычкой между двумя параллельно идущими ко-

печными цѣпями Восточнаго Тянь-шаня¹⁾ и раздѣляетъ Турфанскій и Да-бань-чэнскій оазисы. Наши киргизы дали этому промежуточному хребту названіе Кара-тау (Черныя горы).

Съ упомянутой линіи водораздѣла тропинка беретъ направленіе на Ю. З. З., идя параллельно Кара-тау. Дальнѣйшій путь представляетъ длинный отлогій спускъ въ котловину. Впереди все время видны бѣлѣющія заросли Да-бань-чэнскаго камыша и чіа. Справа за широкой открытой покатою, исчерченной каменистыми руслами ручьевъ и рѣчекъ, рельефно вырисовываются неизмѣнные три пика г. Богдо-ўла.

На 28-й верстѣ съ С.-В. подошла мутная рѣчка. По ней въ заросляхъ карагача расположены нѣсколько китайскихъ займокъ. Кругомъ много пашень. Сѣютъ пшеницу. Мѣстность называется Дунъ-гоу. Названіе рѣчки точно выяснитъ не удалось; во всякомъ случаѣ или она сама, или другая рѣчка, рукавомъ которой она является, носить названіе Гоу-нэй-цзы. Рѣчка эта доходитъ до Да-бань-чэнскихъ пашень, но по дорогѣ сливается съ другими рѣчками и всѣ выѣсты являются въ Да-бань-чэнъ уже безъ опредѣленнаго названія.

Отъ Дунъ-гоу въ Да-бань-чэнъ проложена большая колесная дорога. Въ сущности сообщеніе съ Да-бань-чэномъ на колесахъ возможно отъ пунктовъ, лежащихъ гораздо выше, — отъ Сань-сань-коу и даже почти отъ Ши-ю-цзы, и если въ настоящее время здѣсь колесной дороги не существуетъ, то это только потому, что некому и не зачѣмъ по ней ѣздить.

Отъ Дунъ-гоу до Да-бань-чэна около 20 верстъ. Дорога выходитъ на Турфанскій трактъ въ трехъ верстахъ выше города.

Дальнѣйшій путь въ Урумчи по всѣмъ извѣстной и много разъ уже пройденной трактовой дорогѣ представляетъ мало интереса, а потому перейдемъ къ описанію участка Сань-сань-коу — Турфанъ. Эту часть пути, какъ упоминалось выше, сдѣлалъ В. П. Портныхъ, которому и представляю слово.

«Разставшись съ Б. В. Д. на поворотѣ ущелья, верстахъ въ пяти ниже Сань-сань-коу, я поѣхалъ внизъ по Джуван-тереку, направляясь на Ю.-Ю. З. Тропинка почти все время идетъ по самому дну ущелья. На 20-й верстѣ, считая отъ Сань-сань-коу, она крутыми зигзагами взбирается на лѣвый береговой склонъ ущелья и выходитъ на каменистую площадку. Пройдя еще нѣкоторое разстояніе параллельно рѣчкѣ, тропинка покидаетъ

1) Сѣверная цѣпь — Богдо-ўла и снѣжный хребетъ, уходящій отъ нея къ востоку названіе южной цѣпи окончательно выяснитъ не удалось: ее называютъ и «Тянь-сань» (Холодныя горы) и «Субашингоу»; этотъ хребетъ тоже снѣжный.

Джуван-терекъ и, переваливъ черезъ лѣвый склонъ ущелья, спускается въ продолговатую, окруженную невысокими голыми хребтами котловину; этой котловиной она идетъ на протяженіи около 20 верстъ, направляясь почти на Ю. съ небольшимъ склоненіемъ къ Ю.-В. Не доѣзжая станціи Шаптала, хребты, окружающіе котловину, сближаются, образуя ущелье съ сухимъ русломъ; вода въ немъ бываетъ лишь во время сильныхъ дождей; дорога идетъ по самому руслу; ближе къ станціи вдоль него попадаютъ кустарники и немного чершой березы.

«Станція, или, вѣрнѣе, постоялый дворъ, Шаптала, стоитъ на правомъ берегу рѣчки того же названія, образовавшейся неподалеку изъ ключей. Около постоялаго двора разведенъ небольшой садикъ съ нѣсколькими фруктовыми деревьями. Къ С.-В. отъ Шапталы въ горахъ есть небольшія каменноугольныя копи. Добыча угля очень незначительна.

«Между Сань-сань-коу и Шапталой около 37 верстъ.

«Отъ Шапталы дорога, сохраняя первоначальное направленіе на Ю.Ю. В., около 15 верстъ идетъ правымъ берегомъ рѣчки, а затѣмъ переправляется на лѣвый и выходитъ къ маленькому постоялому двору Кичекъ. Рѣчка Шаптала все время бѣжитъ въ крутыхъ обрывистыхъ берегахъ, поросшихъ тополемъ и тальникомъ. За Кическомъ она течетъ уже по разработанному руслу. Въ трехъ верстахъ ниже Кичека дорога сворачиваетъ на Ю.-В. и не мѣняетъ своего направленія вплоть до Турфана. Верстъ за десять отъ города начинаются линіи оросительныхъ колодезь-кярызей. Дорога часто вплотную подходитъ къ колодцамъ, и такъ какъ послѣдніе ничѣмъ сверху не закрыты, то при ѣздѣ по этимъ мѣстамъ въ ночное время нужно соблюдать большую осторожность. Отъ Шапталы до Турфана около 36 верстъ; колесное движеніе возможно отъ того мѣста, гдѣ дорога покидаетъ ущелье Джуван-терека».

V.

Развалины Чанбалына.

Въ Бэй-лу процвѣтало нѣкогда знаменитое «пятиградіе»; центромъ его являлся описанный выше Бишбалыкъ («Пять городовъ»), Дзинь-мань, Бэй-тинь, Бѣ-сы-ма, Ву-чань — подъ этими именами онъ извѣстенъ въ разное время своего существованія. Въ «Цю-тань-шу» говорится: «. . . здѣсь было пять городовъ, почему и туземное названіе (этой мѣстности) было «территорія пяти городовъ»¹⁾.

1) Chavannes, op. cit., p. 11.

Итакъ, къ сѣверу отъ Тянь-шаня послѣ Бишбалыка остается найти еще по крайней мѣрѣ 4 болѣе или менѣе значительныхъ уйгурскихъ города. Я упоминалъ уже о двухъ городищахъ близъ Гу-чэна; остановлюсь еще на третьемъ.

Армянскій царь Хетумъ (Гайтонъ) и китайскій монахъ Чанъ-чунъ въ разное время посѣтили уйгурскій городъ «Джан (или Чан) балыкъ»; согласно даннымъ изъ маршрутовъ этихъ путешественниковъ, онъ долженъ былъ находиться приблизительно на мѣстѣ современнаго города Чанъ-цзи (въ просторѣчьи — Сань-чжи, лежитъ къ сѣверо-западу отъ Урумчи верстахъ въ 30—35)¹⁾. Регель первый указалъ, что къ сѣверо-востоку отъ Чанъ-цзи сохранились древнія развалины, похожія, по его словамъ, на развалины въ Турфанской долинѣ²⁾. По поводу сообщенія Регеля Грумъ-Гржимайло пишетъ слѣдующее: «... Я не могу найти подтвержденія этому извѣстію у другихъ путешественниковъ; сами же мы видѣли въ указанномъ Регелемъ направленіи однѣ лишь развалины хуторовъ»³⁾.

Нынѣ однако сообщеніе Регеля слѣдуетъ считать подтвержденнымъ. Въ полуверстѣ отъ Чанъ-цзи, дѣйствительно, есть древнее городище, лежащее къ С. В. В. отъ городского базара, т. е. приблизительно въ томъ самомъ направленіи, которое было указано Регелемъ. Городище имѣетъ въ окружности по линіи стѣнъ немного менѣе трехъ верстъ и занимаетъ площадь около $\frac{1}{2}$ квадратной версты. Стѣны его сохранились хуже, чѣмъ въ развалинахъ Бишбалыка, потому что, во-первыхъ, постройка ихъ менѣе капитальна и, во-вторыхъ, онѣ больше пострадали отъ окрестныхъ пахарей. Въ наиболѣе сохранившихся участкахъ можно найти остатки стѣнныхъ башенъ, а кое-гдѣ и полуразвалившіяся пещеры-комнаты. Башни очень значительны и своими размѣрами нѣсколько напоминаютъ башню «S» въ развалинахъ Бишбалыка. Слѣдовъ крѣпостнаго рва и остатковъ мелкихъ внутреннихъ строеній уже незамѣтно, такъ какъ вся площадь внутри городища и пространства, прилегающія къ стѣнамъ, сплошь заняты пашнями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились болѣе или менѣе значительныя отдѣльныя руины; сдѣлать относительно ихъ какое-нибудь предположеніе почти невозможно, такъ какъ руины совершенно утратили всякую форму. Остатки городскихъ воротъ хорошо замѣтны въ южной и западной стѣнахъ; сѣверная стѣна была глухая.

1) Bretschneider, Mediaeval Researches, II, p. 32; Грумъ-Гржимайло, *op. cit.*, III, стр. 296.

2) Извѣстія Императорскаго Русск. Географ. Общества 1881, IV, стр. 209.

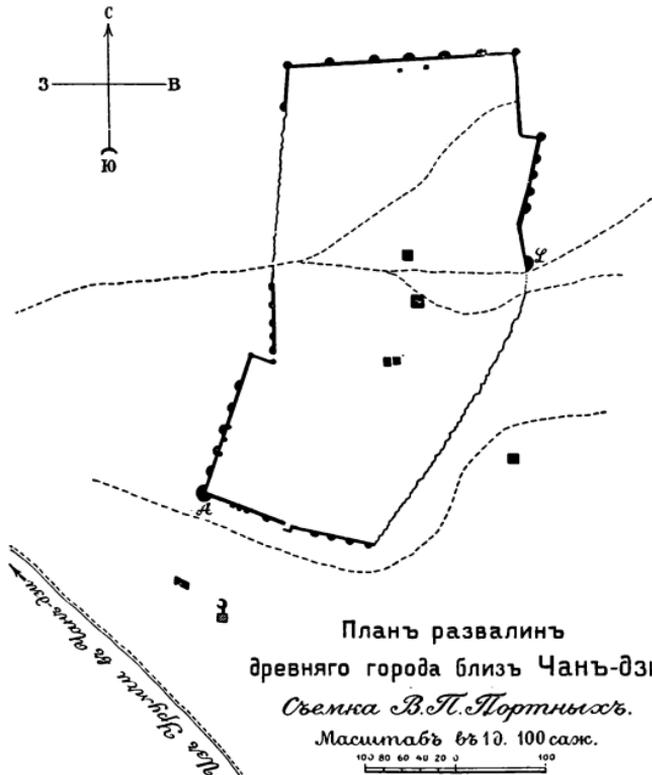
3) Грумъ-Гржимайло, т. III, стр. 296, прим. 5.

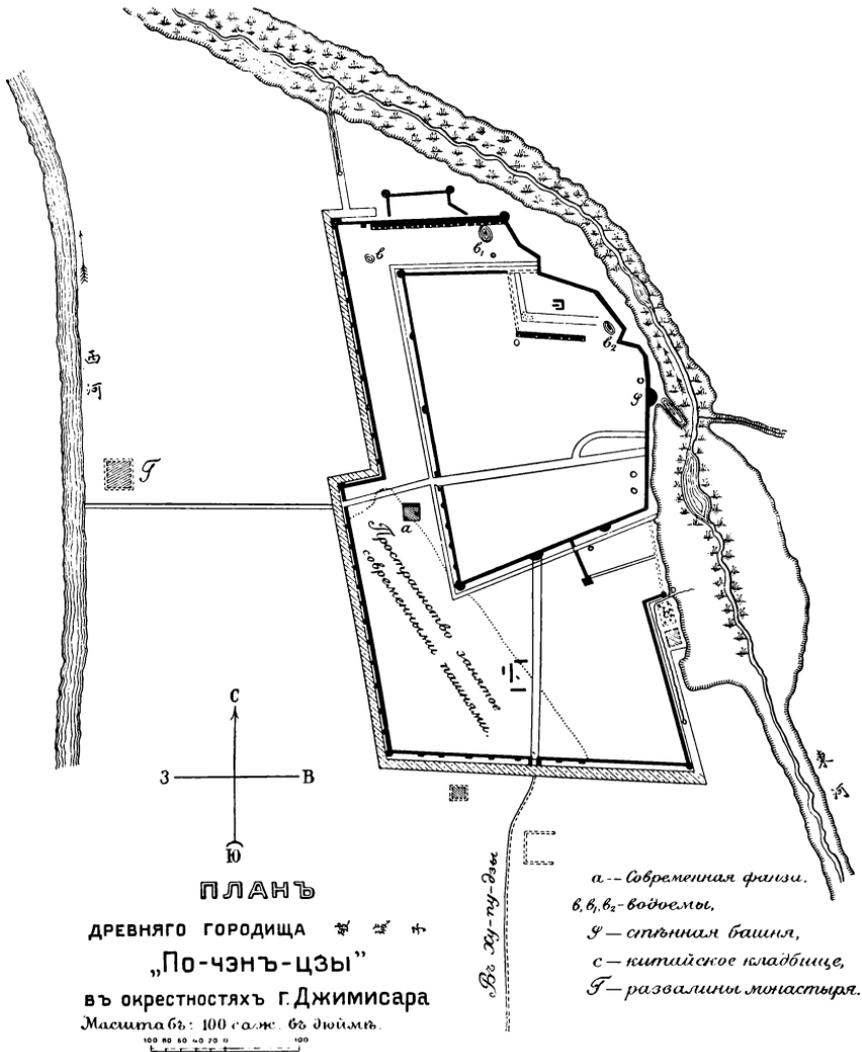
Мѣстные жители называютъ этотъ городъ «По-чэнь-цзы» (разрушен- ный городъ, т. е. такъ же, какъ и развалины Бишбалыка), относятъ его къ типу Турфанскихъ городовъ и сравниваютъ съ развалинами близъ Кара- ходжа. Получить какіа-нибудь свѣдѣнія относительно находокъ, сдѣлан- ныхъ когда-либо въ почвѣ городища, не удалось; рассказываютъ только, что будто бы пять лѣтъ тому назадъ кто-то вырылъ въ развалинахъ боль- шой ножъ около $\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ.

Прилагаемый планъ городища снятъ В. П. Портныхъ; по его же указаніямъ составлено описаніе этого памятника.

Б. В. Долбежевъ.

Урумчи, 20 февраля 1909 г.





ПЛАНЪ

ДРЕВНЯГО ГОРОДИЩА 城 址 子

„По-чэнъ-цзы“

въ окрестностяхъ г. Джимисара

Масштабъ: 100 саж. въ дюймъ.

100 80 60 40 20 0 20 40 60 80 100

- а — Современная ограда.
- в, в, в₂ — водоемы,
- У — стѣнная башня,
- с — китайское кладбище,
- Г — развалины монастыря.

Въ Шу-пу-дае



2. Южная стена.



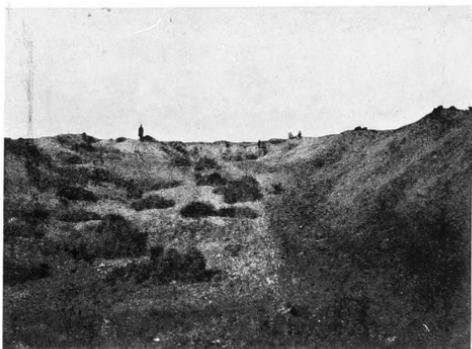
1. Подземелья въ толкѣ северной стѣны.



1. Северная стѣна.



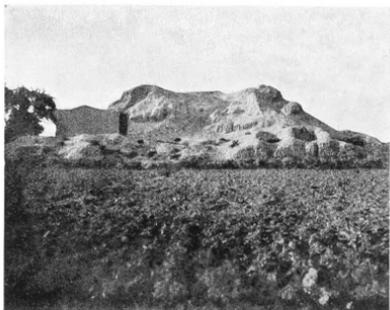
Баши въ восточной стѣнѣ.



5. Слѣды улицы.



6. Водоємъ.



7. Башня въ города.



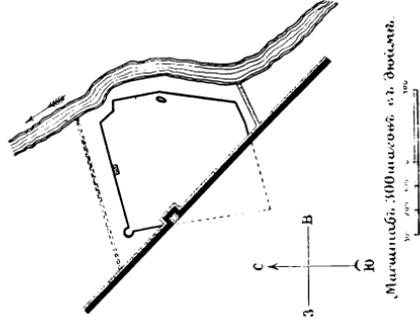
8. Башня въ Гу-чэнѣ.

ПЛАНЫ

РАЗВАЛИНЪ ДВУХЪ ДРЕВНИХЪ ГОРОДИЩЪ БЛИЗЪ Г. ГУ-ЧЭНА.

№ 1.

Рядомъ съ городомъ.



№ 2.

Въ 4-хл верстахъ за городомъ.

